

Артем Март

ЛИОФІЕР

Назад в СССР

Артём Март
Шофёр. Назад в СССР. Том 3
Серия «Шофёр. Назад
в СССР», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70159201
SelfPub; 2024*

Аннотация

Решил я в старости вернуться на родную Кубань. Пенсия, домик, пасека. Ехал-ехал, и не доехал. Автокатастрофа, смерть и... 1980 год? Я снова молодой шофер в колхозе? Вокруг поля, станицы, хутора, а на носу уборка урожая. Союз во всей красе! Сказка! А главное, в моей семье еще не случилась беда, и я смогу ее предотвратить. Но сначала дотяну до гаража свой сломанный "Газон". Эй! Товарищ! Возьми на буксир! Э?! Ты куда прешь?! А ну стой!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	47
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	78
Глава 9	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Артём Март Шофёр. Назад в СССР. Том 3

Глава 1

Грохнуло так, что у меня заложило уши. Мятый не вскрикнул. Он упал навзничь, спиной ударился в маленькую тумбочку, стоявшую у крохотного окна. С жутким хрустом развалил ее.

Я же машинально упал в сторону, в переднюю комнату. Чувствовал я, как мелкая дробь прошила мышцы на левой руке. После быстрой боли, что пронзила плоть, как игла, наступила другая – ноющая и тупая. Но не очень сильная.

Я тут же отполз к стене, стал подниматься, чувствуя, как скачет в груди сердце от адреналина.

В воздухе, полупрозрачной завесой, расплзся пороховой дым. Со стены, куда попала часть заряда, шурша, осыпалась штукатурка. Вопила Екатерина Ивановна.

Глянул я сначала на свою руку. Ткань рубахи над подкаптаным рукавом уже набухла кровью. Ни дырок в ткани, ни ранок я не видел. Бил Серый мелкой дробью.

Услышал я слабый стон Мятного. Он был еще живой. Еле

шевелился на обломках тумбы. На телняхе его расплзлось в области груди и живота большое красное пятно.

– А нечего в хату без спроса ходить! – Ошалевшим ломающимся голосом прокричал Матвей, – какого х*я вы в хату приперлись?! Кто вас звал?!

– Сынок! Сы-но-чка! – Екатерина Ивановна прекратила кричать и теперь просто рыдала на кровати, – да что ж ты делаешь!

Я услышал, как Матвей спрыгнул с кровати. Заскрипели у него под ногами красные половицы.

– Добивать пошел, сукин сын, – прошипел я себе под нос и прислушался.

– Ма! – Крикнул Серый, – тот, второй. Живой он?

Екатерина Серая глянула на меня полными слез глазами. Окровавленной рукою приложил я к губам палец, тихо, мол.

– Ма?! Вот сука... – Прошипел Матвей, – правильно отец говорил, что вас, баб, только в крепких руках и можно держать. Иначе сразу начинаете что ни попадя творить. Вот ты, мам, – продолжил он дрожащим голосом, – молчишь, потому что Землицын живой. Дробь меленькая. Глубоко его шкуру сразу не прострелит. Как вон, у этого...

Екатерина Серая только сильнее захлебнулась в рыданиях от страшных слов сына. Показалось мне, что у младшего просто непорядки с головой. Будто так его Пашка загонял, так затравил, что, оставшись главным мужиком в семье, стал он на всех отыгрываться в три раза сильнее. Да тогда у него

шифер и потек... А может, раньше протекал.

– Да вот если ударить в упор, да в голову, – продолжал Серый, – вот тогда получится по-доброму.

В следующее мгновение услышал я, как закашлялся Мятый. Тихо застонал.

– Т-ш-т-ш-т-ш, – зашипел Матвей, – сейчас уже будет и не больно.

А потом грохнуло калиткой. Глядя на то, как во двор вбежал Кашевой, я выругался матом себе под нос. Сейчас и Ванька еще под раздачу попадет. Медлить было нельзя.

На одну только удачу я понадеялся и выскочил из-за угла. Оказался по левую руку от Матвея.

И скажу, что повезло мне. Потому как случилось как раз то, чего я и ожидал. Малой Серый стоял над корчащимся на полу Мятым. Сжимал в руках свое двуствольное ружье. Но сам глядел он в окно, на улицу. Пытался высмотреть, кто же там пришел.

Ну а в следующее мгновение повезло еще раз: как раз когда я выскочил, Серый еще и отвернулся на крик ворвавшегося в сени Кашевого:

– Катя! Мужики! Чего там грохнуло?!

В этот самый момент я и напал на Серого младшего. Навалился на него всем телом, схватил ружье за ствол и ложе. Немедленно раздался второй выстрел. Серый вздрогнул. Вздрогнул и Серега Мятый у нас под ногами. Застонал. Подоспевший к тому времени Кашевой замер в дверях, испу-

ганно устави́лся на нашу с Серым борьбу.

Когда ружье разрядилось, я просто отпнул Серого от себя. Тот, согнулся вперед и сделал два громких, по деревянному полу, шага. Когда обернулся, держа пустое ружье наперевес, Я тут же вцепился в цевье двумя руками. Стали мы бороться.

Матвей кряхтел. Бледное лицо его покраснело. На нем отразилась злобная ярость.

– Думаешь, – зашипел он, раздувая ноздри своего курного носа, – думаешь я и без ружья с тобой не разделаюсь?

Я налег. Насилу выкрутил из рук его ружье. Все же был я крепче и сильнее сублильного Матвея. Когда он потерял свое оружие, в глазах Серого блеснул страх, но почти сразу потух. Все потому, что я выкрутил ружье и изо всех сил саданул Матвея прикладом в лицо.

Щелкнуло. Парень мешком упал на пол. Затих, спрятав лицо свое за предплечьем.

– Нужна скорая помощь, – сказал я Кашевому, глубоко дыша, – он в Серегу стрелял.

Кашевой протяжно и испуганно выругался матом.

– Скликай соседей, – сказал я, сжимая ружье, – чужая помощь нам понадобится.

– Угу! – Пискнул Кашевой и тут же помчался на улицу.

Матвей Серый слабо пошевелился. Застонал.

– Не уйдешь, гнида, – сказал я, переломив ружье.

Стреляные гильзы защелкали о пол. Я полез в шкаф в надежде обнаружить там патроны. Почти сразу увидел я на ан-

тресольной полке серую начатую пачку. Взял, сколько влезло в ладонь и тут же снарядил в ствол пару. Остальные, не знаю сколько, сунул в карман.

– Если чего удумаешь, – сказал я Матвею, который медленно стонал и шевелился на полу, – дам тебе заряд прямо в упор.

– Мелкий номер, – прохрипел он, стал отплевываться кровью. Потом добавил, – не убьет. Вон, видишь.

Он кивнул туда, где лежал и слабо шевелился Мятый.

– В голову по-доброму получится, – сказал я холодно.

Мятый только странно засмеялся.

– Чего ты вытворяешь? – Спросил я, держа наготове ружье, – никак умом тронутый? А я думал Пашка тот еще тип. А тут вон как выходит.

– Пашка, – он сел на колени, держа руки на бедрах, – дерьмо собачье и никто боле. Я рад, что он сгинул на все четыре стороны.

Мда... Не хило так я присадил Матвею ружьем: вся левая часть его лица была синяя. На скуле пошло рассечение. Кровь покатила по впалой его щеке.

– Знаешь, – проговорил я, припоминая Катькино лицо, – маловато тебе будит.

Не удержавшись, я подошел к Матвею и дал ему еще раз прикладом. Удар пришелся в то же самое место, но не так сильно. Всхлипнув, он вытянулся назад, растянулся на полу, оставив колени подвернутыми.

– Ну как тебе? – Сказал я, когда он поднялся и сплюнул кровь, – не так уж приятно, когда не ты, а тебя?

Матвей не ответил. Ощупал лицо, стал плевать кровью.

– Ну чего тут?! – Ворвался в хату Ванька Кашевой.

С ним прибежали какой-то мужик, паренек едва семнадцати лет, да два старика. Все с ужасом уставились на Мятого и на Матвея Серого.

– Встать, – сказал я, наставив ружье и щелкнув курком.

– Не обижайте Катю, – проговорил Матвей гундосо.

– Встать, сказал! – Крикнул я.

Матвей нехотя, или даже с трудом подчинился. Пошатываясь, встал. Под дулом пересел на кровать, бессильно свесив руки. Тогда я разрешил Кашевому с мужиками пройти. Мужики тут же взяли под руки Мятого. Потащили на улицу.

– Катя! Катька! – Закричал Кашивой из передней.

– Ванька! Не трожь ее! – Крикнул я, давай сюда!

Дозвался я его только с третьего раза. Все никак не хотел он от сестры своей отлипнуть. Потом все же выглянул. Весь трясся Кашевой как осиновый лист. Лицо его побледнело, а пухлые щеки будто бы даже посинели.

– Катьку не трожь, – сказал я.

– Ей в больницу надо.

– Ну и че ты ее? – Спросил я, – повезешь в кузове? Мятому тоже надо в больницу. Так что давай его туда, а к нам скорую и милицию.

Все это сказал я, не спуская с Матвея глаз. Он тоже смот-

рел на меня как-то ошалело. Так, будто ничего больше и не боялся.

– А Мягкий, чтоли не тяжелый? Его, что ли, в кузове?

– Тут выбор небольшой. Вдруг помрет прям щас, – ответил я.

Кашевой помялся немного, но, когда я в очередной раз подогнал его, тот все же побежал на улицу. Прошел рядом с Матвеем сторонясь его как огня. Даже к стеночке прижался.

– М-да, – сказал Серый, – надо было мне крепче держать Катку в своих руках. Тогда бы ничего и не случилось.

– Ты отлупил ее так, – сказал я, – что может не оклемаются.

– Оклемаются, – ответил Серый, – батя мамку так бил, что она по трое суток лежала на печи. И ничего, всегда выздоравливала, – он нахмурился, – и у нее сил даже хватило, чтобы батьку в могилу свести. Чтобы Пашку заставить батьку прибить.

– Чего ж ты так баб-то невзлюбил? – Спросил я нахмурившись.

– Потому, как и без них никак, – надул свои ноздри Матвей, – и с ними тяжко. Коль не держать их в ежовых рукавицах.

Что-то показалось мне, что Матвей совсем сдвинутый. Наверное, и правда семья у них получилась калеченная: один брат отца зарубил, да по головам пошел, ища себе выгоды. А другой, младший, и вовсе спятил, пади.

Пришлось мне держать на мушке Матвея еще минут со-

рок. Только после этого приехал к Серовскому двору милицейский уазик. Знакомые мне уже ребята, что ходили под майором Квадратко, прибежали в хату. Тут же схватили Матвея, да увели.

Скорая приехала позже. И были то уже знакомые мне Марина с Макаром.

– Что-то ты все время, Игорь, попадаешь в разные незадачи, – сказала Марина, когда побитую Катюку медбратья загрузили в их буханку.

– Ничего, – ответил я, – бывает.

Марина оказала мне первую помощь. Оказалось, попало мне в плечо три дробины. Две прошли навывлет, практически под кожей. А третьего выходного отверстия Марина не увидела.

– Сделаем тебе перевязку, – сказала она, – покамест. А так, давай скорее в больницу. Надо, чтобы тебе достали эту дрянь из раны. А то мало ли что еще прицепится. Да и остальные ранки надо бы почистить хорошо. В больничных условиях.

Пообещав ей, что прене непременно поеду в больницу, вернулся я в хату.

Екатерина Ивановна все время, пока мы занимались Матвеем и ранеными, сидела на одной из коек неподвижно. Глядела куда-то в стену, да молчала. Вот и решил я спросить, что у ней на душе. Предложить, чтобы не ночевала сегодня в хате одна, а пошла на против, к своякам, к Ваньке Кашевого

матери.

– Теть Кать, – вошел я в переднюю, – как вы?

Сидела она все так же без движения. Все также смотрела в одну точку. Блестящие ее глаза опухли от долгого рыдания. Лицо болезненно отекло. Простые ее темные с проседью волосы казались слабыми и изломанными. Нескладной косичкой упали она ей на плечо.

– Все будет хорошо, – сказал я и приблизился, сел на корточки у ее колен, – прошу вас, уйдите с хаты к соседям. К Игнатовым. У них покамест поживите. Сейчас вам сложно будет одной, после всего, что произошло. Присмотр нужен.

Она не ответила. Так и глядела куда-то в стену, поверх моей макушки.

Я вздохнул. Встал и тронул ее легонько за локоток. Проговорил:

– Давайте я отведу вас. Пойдемте, ну? Вставайте, Екатерина Ивановна.

Вдруг она вздрогнула, словно бы проснувшись ото сна. Посмотрела мне в глаза своим больным водянистым взглядом.

– Зачем ты это сделал? – Спросила Екатерина Ивановна.

Глава 2

– Зачем пришел? – Глядя на меня снизу вверх спросила Екатерина Ивановна, – коль уж не пришел бы, остался бы мой сын со мною!

Я нахмурился, глядя в жалостливое лицо Екатерины Ивановны. Скрестил руки на груди.

М-да... Даже после того, что на ее же глазах сотворил Матвей после того, как бил он свою жену, как стрелял в Мятого, держится она Матвейкиной стороны. Материно сердце, иной раз, против всякой головы идет. И понимал я, что бесполезно ее как-то переубеждать.

– За что же ты так со мной? – спросила она тихо, – за что же ты так со мной, Господи! Всех мужиков у меня отнял!

– Пойдемте, – повторил я, – отведу вас в хату к Ваньке Кашевому. Вам сейчас нужна какая-никакая душевная опора. Одной нельзя.

Потянулся я к ней аккуратно. Положил руку на плечо. Екатерина Ивановна, что секунду назад возводила очи горе, зыркнула на меня хищной змеею.

– Не тронь меня! – Отмахнулась она, – не тронь! Уйди! Не хочу я тебя видеть! Не желаю!

Я не стал возражать. Поглядел на эту бедную женщину еще полминутки и пошел на выход. Во дворе я снова погладил беззаботного Фомку и пошел за калитку. Как только вы-

шел наружу, увидел, как бежит ко мне соседка Екатерины Серой, Ваньки Кашевого мамка.

Грузная женщина в косынке узелком назад, раскрасневшаяся, с обеспокоенным лицом, мчалась она через дорогу. Позади, у двора ее, стояла старая копейка. С водительского места вышел наружу седой дед. Лег он локтями на крышу, стал глядеть на нас.

– Игорь! Игорь Землицын?! – Закричала соседка.

– Ну да, – ответил я женщине, – чего случилось?

Та ничего не сказала. Бухнулась передо мною на колени. Уселась прямо на подъеденную индоутями травку. А потом расплакалась.

– Да чего вы? – Не понял я, когда женщина принялась хватать меня за руки и целовать кисти.

– Спасибо! Спасибо, что Катьку мою уберегли! Без вас бы она...

– Да чего вы?! – Вырвал я руки возмущенно, – что творите-то?

Женщина глядела на меня блестящими глазами. Утерла грязноватой рукою накопившуюся у уголка слезинку.

– Как мне тебя поблагодарить? – Всхлипнула она, – ты единственный, кто решился против Матвея пойти. А я боялась! Он так смотрел на меня, что дух с грудки выбивало! Что страшно глядеть ему в ответ! А ты спас ее! Не побоялся!

– Коль хотите поблагодарить, – я опустил к женщине и взял за локти, помог подняться, – так поблагодарите по-

человечески, а не вот так.

Женщина смотрела на меня пару мгновений, а потом бросилась на грудь, прижалась.

– Спасибо... Храни тебя Господь, – прошептала она, – теперь уж когда стало все известно всем соседям, нам не отвертеться. Надобно Катьку выручать из этого семейства.

– Не бойтесь, – проговорил я, отняв женщину от себя, – что соседи запазорят?

– Я больше боюсь, – она с трудом, громко сглотнула, – что дочка моя не переживет ихнего с Серым брака. Теперь в два раза сильнее боюсь.

– Все будет хорошо, – кивнул я, – Катя выздоровеет.

Женщина посмотрела на меня теплым, благодарным взглядом. Потом снова прижалась.

– Помогите Екатерине Ивановне, – сказал я, – она там, в хате осталась. Не хочет выходить. Заберите ее к себе на немного. Ей одной сейчас нельзя.

– Заберу, – принялась заверять меня женщина, – обязательно заберу! Не оставлю ее на произвол судьбы!

– Ну и хорошо, – сказал я и вежливо выбрался из объятий женщины, – а мне пара. Еще в больницу надо успеть, да Белку на ночевку поставить.

К девяти утра роса уже почти спала. Все еще теплое, шадящее утреннее солнце высушило травы в лугах и полях, что лежали в низине, под Красной. Вдали, за лесополосой, поблескивал посветлевший после обильных горных дождей

Уруп.

Я глядел на реку, серебряной полосой протянувшийся вдаль, вдыхал полевой хлебный дух созревшей пшеницы.

Сегодня весь наш шоферский отряд собрался на учения. Ждали мы, пока приедут секретные комбайны, которые, впрочем, уже посмотрел каждый мальчишка в Красной.

Пока мы ждали, прислонился я к Белкиному носу. Откасался от самокрутки, что подсовывал мне шофер по имени Валька Семирикин. Оттого что мало мы общались с этим молодым человеком, не знал он, что я не курю.

После этого как-то задумался я, глядя на солнечные блики, которыми полнилась вдаль лента Урупа, вспомнил вчерашний вечер.

Ох и долго же проторчал я вчера в больнице. Врач – добродная строгая женщина за пятьдесят, обработала мои ранки. Наложила повязку. Наказала приходить в отделение раз в день, чтобы менять ее на новую. На мой вопрос про Катю Серую уклончиво ответила:

– Да не бойся, Игорь. Будет с ней все хорошо.

Дома мать со Светкой подняли вой. Утаить мою рану от них не получилось, и у Мамы чуть было не случилась истерика, когда я честно признался ей, что в меня стреляли из ружья.

С отцом мы долго разговаривали. Обсуждали, что случилось в Серовской семье и вообще, почему я туда полез.

– Смотри, – сказал он мне строго, – когда-нибудь оттяпа-

ют тебе нос, если уж продолжишь в чужие дела соваться.

– А у меня по-другому как-то и не выходит, – спокойно улыбнулся ему я.

– Горжусь я тобой, Игорек, – ответил отец, помолчав, а потом вышел во двор, покурить.

– Вон! Едут! – Выкрикнул кто-то из шоферов, глядя на широкую проселочную дорогу.

– Наши?! Иль Немцы?!

– Красные!

– Знач наши!

– А ежели немцы тоже на красных?! Кто видал ихние комбайны?

Шоферы, что до этого разбились в маленькие группки: кто сидел на солнышке, у машин, кто болтал о том о сем, став лицом к полю, собрались вместе. Пошли к дороге. Из тех шоферов, с которыми я общался, были тут Титок, Сашка Плюхин ну Васька Ломов. С остальными был я знаком, да толком и не говорил никогда. Много нас было в гараже.

Я оглянулся к самосвалам, стоящим рядком у поля. Всем раздали новые машины на время соревнований. Несмотря на, это Белка со своей сине-белой головой практически не выделялась среди таких же сине-белых сто тридцатых зиллов. Издали так и вовсе не отличишь. А немец и подавно не сможет.

Я отпрянул от Белки. Пошел к дороге вместе с остальными.

По широкой насыпи, по обе стороны, от которой пролегли убранные поля, спускалась к нам механизированная колонна. В голове ее шла белая Волга. За ней следовала Нива. А дальше ехали красные высокие комбайны.

Без труда угадывал я в них Енисеев, которые повсеместно появятся в колхозах страны только через пять лет.

Шли к нам похожие на комбайны Нива, но более массивные машины. Красная их шкура была чистой, без надписей, названий, номеров. Была на ней одна лишь только краска. Вытянутые и широкие кабины глядели на нас большими ветровыми стеклами. Более широкие, чем на Нивах молотилки, покачивались, пока мощные передние колеса валко катились по земляной дороге.

– Мда, – сказал Титок и прикрыл глаза ладонью от солнца, – сдалека так просто не отличишь. Красный, что и Нива. Такой же квадратный, что и Нива.

– И реактивных двигателей нету. Насвистел нам все Боевой, – вклинился кто-то, и все шоферы рассмеялись.

– Там, наверное, – проговорил Васька Ломов, – самое главное все внутри находится.

– Наверное, – поддакнул Сашка Плюхин.

Комбайны медленно подъехали к нашей стоянке, завернули на прокос. Выстроились перед самосвалами. Волга съехала дальше, под кусты терна, что росли рядом с дорогой. Нивы, которых было две: передняя и задняя, стали возле грузовых наших машин.

Из нив повыскакивали какие-то незнакомые мне мужики. Из Волги же вышла комиссия в составе Аллы Ивановны, Николая Ивановича Егорова и Евгения Герасимовича Вакулина. Чиновники оглядели поле. О чем-то поговорили. Потом пошли к комбайнам.

Туда же побежали и двое с нив. Как я понял, были то инженер да какой-то опытный комбайнер, что уже имел дело с этими новыми машинами. Остальные двое были простыми водителями с колхоза. Остались они при своих нивах.

Комбайнеры повыпрыгивали из Енисеев. Собрались кучкой, слушая наставления инженера, который активно размахивал руками, бормотал что-то торопливо, указывал на поле.

– Ну что, товарищи! – Начала Алла Ивановна, когда после комбайнеров подошла к нашему отряду, – готовы вы к началу ваших двухдневных учений?

– Готовы, – пожал плечами Титок.

– Готовы.

– А чего ж нам быть неготовыми? Чего мы, под комбайнами не ходили?

– Ну да! Уж который год. Тут много ума не надо.

Алла Ивановна повела колким своим взглядом по всем нам. Задержалась на мне, сузила глаза. На этот ее взгляд я только ухмыльнулся. Скрестил руки на груди. Поморщился от боли в плече, но не разъединил рук.

– А что это у вас, товарищ Землицын? – Нахмурилась Алла Ивановна, – повязка?

– Травмировались? – Егоров, с обеспокоенным лицом, слегка склонил голову набок.

– Ага, – пожал я плечами, – травма на производстве.

Комиссары переглянулись.

– Да как же это вы? – Растерялась Алла Ивановна, – как выступать-то вы собрались с искалеченной рукою? Сможете?

– Игорь, – улыбнулся Вакулин, – рука, я вижу, у тебя гнется. Рулем крутить можешь?

– Могу, – улыбнулся я, – а чего бы не мочь?

– А на малой скорости? Насилу можешь?

– Конечно!

– Ну тогда, – сказал Вакулин, у вас, Алла Ивановна, нету поводов для беспокойств.

Алла Ивановна поджала свои краснющие губы. Отвернулась так, будто надо ей пару мгновений перевести дыхание. Потом глянула на Вакулина.

– Есть. Еще как есть! Он же травмирован! А как же его такого на глаза нашим гостям показать? Это же катастрофа! Ужас! Кошмар!

– И чего тут кошмарного? – Пожал я плечами.

– Вы не понимаете! Советская команда должна показать высокий класс!

– Так мы и покажем, – улыбнулся я, – чего эти немцы, любоваться на нас будут, что ли? Им дело надо показать. А это мы можем. Да, мужики?

– Ну да!

– Ага. А чего тут? Дело привычное!

– Ну!

Шоферы загалдели, поддержали меня словом.

– Настроение боевое, – заулыбался Вакулин, – а чего вам еще надо, Алла Ивановна? Или распорядитесь их причесать да побрызгать тройным одеколоном?

Шоферы грянули дружным смехом.

– Ну вот и я того же мнения, – улыбнулся я, – отработаем как надо.

– Мда, – Алла Ивановна немного помялась. Поправила пышную свою прическу, – сейчас я вам расскажу о том, что от вас будет требоваться на учениях. Как вам предстоит работать.

– Да чего мы, – развел руками Титок, – под комбайном не ходили? И так все знаем!

– Таков регламент учений, товарищ Титков, – строго сказала Алла Ивановна, – надо мне его соблюсти от и до!

– Ой, – отмахнулся Вакулин, – давайте, Алла Ивановна, без вашей этой канцелярщины. Чего тут сложного? Перед вами профессионалы, а вы с ними как с детьми возитесь! Чего они не знают, с какой стороны к комбайну подъехать?

– Евгений Герасимович! – Возмутилась Алла Ивановна, – вы подрываете мой авторитет перед всем отрядом!

– Вы сама его подрываете, – хмыкнул Вакулин, – а тут все просто, – Вакулин посмотрел на нас, – соревнования будут проходить в три этапа, но вы будете участвовать только в од-

ном, потому как остальные два проводятся в лабораторных условиях, когда зерно, собранное нашими и иностранными машинами, будет изучать на целостность и сорность.

– А какой наш? – Спросил я.

– Сбор на скорость нескольких зерновых культур, – опередил Вакулин Аллу Ивановну, которая уже открыла было рот. Ваша работа тут освободить бункера, да переправлять урожай на ток. Тихо, спокойно, дисциплинированно. Вот, и дело с концом!

– А зачем тогда ученья? – Спросил Сашка Плюхин, – все ж и так ясно!

– А учения, товарищ Плюхин, нужны чтобы... – Осекся Вакулин, поглядел куда-то вдаль.

– Это что за машина? – Нахмурилась Алла Ивановна, – я же дала распоряжения, лишних машин в этот район не направлять!

Все обернулись. По широкой дороге, по которой десять минут назад прошла колонна комбайнов, мчался, поднимая пыль, пятьдесят второй газон. Когда приблизился он так, что смог я рассмотреть, кто сидит в кабине, то сказал, с улыбкой потирая шею:

– Кажется мне, что пришла эта машина по мою душу.

Глава 3

Газон, разогнавшись с горки, притормозил у края поля, подняв за собой еще большую тучу пыли. Дальше поехал уже на малом ходу. Скатился по пологой части насыпи, где был заезд на поле да стал у края прокоса.

– Тихо всем, – сказал строго Вакулин, – давайте-ка раз-узнаем, чья это машинка подошла и зачем. Потому как мы, вроде бы, и не ждем никого.

– Да моя то машинка, – пошел я к газону, – моя. И ко мне приехала.

Открылись газоновские двери. С одной стороны, выско-чил Казачок. Поглядел на всех со своей, ставшей мне уже привычной, растерянной улыбкой. С пассажирского сидения спрыгнула Маша. С аптечкой в руках побежала она ко мне.

– Тебе что в больнице сказали? – Строго заговорила Ма-ша, – каждый день на перевязку! А ты чего?

– Привет Машенька, – даже и не заметив Машкиной на-пускной злости, подошел я к ней и крепко обнял.

Шоферы заулыбались, глядя на нас. Кто-то завистливо присвистнул. Вакулин подбоченился, хмыкнул. Егоров, ка-жется, совершенно не понимая, что происходит, забавно за-моргал глазками.

Одна только Алла Ивановна стояла, напряженная как струна. Смотрела на нас своими нахмуренными, злыми гла-

зами. На высоком ее лбу пульсировала жилка.

– Ну чего ты? Игорь? – Тут же растаяла Машка, – чего ты? Люди ж смотрят!

– Это ты чего, – взяв Машу за хрупкие плечики, отстранил я ее, – чего приехала?

– Перевязку тебе нужно новую! – Глянула она на меня строго.

– Маша, – заулыбался снова Казачок, – всем в диспетчерской плешь выела. Доконала она сначала завгара, рассказать, где ты делся. А потом уже и меня, чтобы привез ее к тебе.

– Готовь руку, – сказала Маша деловито, – сейчас будем тебе перебинтовывать ее в полевых условиях. И раны обрабатывать.

– Какие еще раны?! Какие перебинтовки?! – Возмутилась Алла Ивановна, – гражданка! Что вы себе позволяете?!

Топча низкими каблуками пшеничные пенечки и неловко пошатываясь, Алла Ивановна направилась к нам.

– Немедленно назовите мне место вашей работы! Я напишу вашему непосредственному начальнику докладную записку о том, чтобы вас привлекли к дисциплинарному взысканию!

Маша не растерялась.

– Прошу вас не вмешиваться во врачебные дела, – сказала она строго, – у меня тут вообще-то больной! А вас я и знать не знаю!

– Вот это больной, – рассмеялся Вакулин по-доброму, –

вот если бы у нас все больные так держались, мы бы уже, видать, горы свернули!

Маша посмотрела на улыбчивого Вакулина, а потом на каменное от злости лицо Аллы Ивановны.

– Вы... Да вы... Да у вас тут никто, наверное, не знает, что такое субординация! – Прошипела Алла Ивановна.

– Сменить повязку, – пожал я плечами, – дело недолгое. А наши комбайны еще и близко не в поле.

– Алла Ивановна, – окликнул ее Вакулин, – да оставьте вы молодежь в покое! Мы же еще не начинаем! А Землицын и вовсе на своей машине! Учения нужны только чтобы шоферы пообвыкли работать на зилах. У них времени это много не займет. Машина очень на газ похожая. Потому и такие короткие у нас занятия.

Алла Ивановна снова запыхтела. Нахмурившись, потопала к остальной комиссии.

– Сказано было, – тихонько от всех проговорил я Машке, когда мы зашли в Белку чтобы сменить повязку, – что повязку менять раз в сутки. А не прошло еще суток.

– Лишним не будет, – сказала Маша, быстро орудуя своими ловкими тоненькими ручками.

Было видно, что она на мгновение растерялась от моих слов. Выходит, что не стоило ей бежать сломя голову ко мне, сюда.

– Соскучилась я, – ответила девушка немного обиженно, – соскучилась. И злая на тебя я немного.

– Почему злая? – Улыбнулся я.

– Потому как ничего ты мне не сказал про свое ранение.

Узнала на работе через третьи руки. Вот и захотела приехать.

– Чудо ты в перьях, – улыбнулся я, наблюдая за тем, как Маша заканчивает новую повязку.

– Так. Рукава опустить, работу мою полевой пылью не грязнить, – изобразила девушка строгость.

– Слушаюсь, – сказал я шутливо.

Когда вышли мы из машины. Поглядел я на то, как стоят шоферы да слушают болтовню членов комиссии.

– Машка, – подозвал я, – иди-ка сюда.

– Чего?

Обойдя Белкин нос, оказалась она рядом со мной, у водительской двери. Схватив Машу за ручку, потащил я ее назад, за кузов.

– Ты чего?! – Только и выдала она, а потом добавила свой звонкий хохоток.

– Соскучилась? – Сказал я, когда мы укрылись от чужих глаз.

– Да не кричи ты, – смутилась Маша. – Люди услышат!

– Соскучилась, спрашиваю?

– Ну соскучилась, – разулыбалась она, – сказала же.

– Ну тогда на.

С этими словами, прижал я девушку к себе и поцеловал в губы.

– Ты что! – Возмутилась Маша, когда мы разъединили гу-

бы, – а вдруг кто увидит?!

– Не увидит, – ухмыльнулся я.

Маша заглянула мне в глаза. Внезапно с ее губ сорвался веселый смешок, и девушка улыбнулась. Потом она припала ко мне снова и потянулась целоваться. Так приятно мне было чувствовать Машино разгоряченное солнцем и чувствами тело, что я и нарадоваться не мог. Поцелуй ее показался слаще любого меда. Запах ядерного девичьего пота пьянил, кружил голову.

– Ну хватит-хватит, – отстранил я ее игриво, – мне еще работать, а я уже пьяный.

– Что-то я не почуяла, – улыбнулась она хитро, – чем это ты пьяный?

– А вот... – засмеялся я, – тебе скажи. Зазнаешься.

Маша снова улыбнулась. Внезапно слетело с ее лица веселое выражение:

– Я еще немножечко злюсь, Игорьь.

– Это на что же еще?

– Ну чего ты, – вздохнула она, – всюду лезешь? Серый же тебе враг. А ты с его проблемами разделяешься.

– А если б Серый поступил бы в поликлинику с раной, – нахмурился я, – стала бы ты его лечить? Пусть и неприятный он тебе человек.

Маша поджала набухшие, красные от нашего поцелуя губы. Опустила взгляд.

– Вот то-то же, – Сказал я, – потому как ты по-другому

не можешь. Ты медик. И пошла в медики не просто так. А потому что у тебя к тому душа лежит. И я так же. Ну не могу я мимо чужой невзгоды пройти.

Маша подняла на меня глаза. Блеснули они так, будто собиралась она плакать.

– Ну что, – развел я руками, – меня убить теперь, что ли?

Она не ответила. Просто прижалась ко мне всем телом. Обняла под плечами. Стала слушать мою грудь. Улыбнувшись, положил я руки ей на плечи. Обнял.

– Ты самый лучший, – сказала она глуховато, – самый-самый.

В следующее мгновение по-детски торопливо отпрянула она от меня. Строго посмотрела и добавила:

– Только попробуй от меня куда-нибудь теперь деться.

– Да успокойся ты, Машка, – рассмеялся я, – пока никуда деваться не хочу.

– Кстати, – Маша резко изменилась в лице, нахмурилась, – напомнили мне кое-что твои слова про медиков.

– Что напомнили?

– Подружка моя заходила утром в поликлинику, еще до того, как уехала я на гараж. Она медсестра. Работает в больнице. С дежурства была. Так вот, слышала она все про Серых. Слышала, как милиционер приходил. При нем была Серых мать. Хотел он поговорить с Катей, да не смог. Была она не в сознании.

– Ну милиция, и что тут такого? – Пожал я плечами.

– А к тебе еще не ходили?

– Пока нет. Может, и придут.

– Уже вся больница знает про то, как в тебя стреляли, – вздохнула Маша, – про то, что в Серовской хате стряслось. Ох, – она отвернулась от меня, обняла плечики, – сердце у меня не на месте, Игорь. Кажется мне, что плохо все это кончится. Что еще хлебнешь ты с этим всем делом горького.

– Мне не привыкать бывать в таких вот незадачах, – пожал я плечами, – если что, уж как-нибудь выберусь. Чего уж там.

– Да не хочу я, чтоб ты выбирался, а хочу, чтобы не падал.

– Ладно, – ушел я от этого разговора, – а про Серегу Мятого, то есть Бесхлебного, ты не слыхала? Есть там про него какие-никакие вести?

– Нет, не слыхала, – покачала головою Маша.

– Понятно. Надо бы к нему съездить вечерком. Проведать. Ну если бы помер, – я нахмурился, – я бы уже знал. Всюду бы раструбили.

– Едут! Едут! Вон! Гля! – Закричал кто-то из шоферов. Мы с Машей удивленно оглянулись.

Вниз по той же самой дорожной насыпи, по которой прибыли Енисеи, шла новая колонна комбайнов.

– Немцы едут! – услышал я голос Титка.

Все шоферы пошли к дороге, посмотреть на немецкие машины.

– Куда вы! – Кричала им Алла Ивановна, – куда вы идете!

Вернитесь к машинным, товарищи! Ну что вы как дети?

Увидел я, как Вакулин подошел к чиновнице и одернул ее строго. О чем-то тихо с ней заговорил. Другие шоферы же даже и не глянули на нее. Их интересовали только немцы.

Колонна шла ровным ходом. Спереди вела ее новенькая белая волга. Немецкие комбайны – зелено-белые коробки ехали к нам, подняв над землей свои окрашенные красным мотовила.

Заметил я, что по конструкции они отличаются даже внешне от наших, советских: кабина, располагающаяся посередине, была больше; обзорные окна просторнее; за кабиной квадратный, но приплюснутый, как черепаший панцирь, располагался бункер.

На всех комбайнах спереди, сбоку, и, наверно, даже сзади, красовались большие, выведенные красными буквами надписи: Claas.

Колонна, кончала которую вторая волга, остановилась прямо посреди дороги. Комбайнеров внутри немецких машин было видно. Сквозь слегка тонированные, но прозрачные стекла, с интересом смотрели они на наши самосвалы.

Из первой волги вышли несколько человек: председатель колхоза, зампред Щеглов и еще двое пожилых мужчин, одетых в светлые деловые костюмы и при галстуках. Их я не знал. Однако, судя по тому, как из задней волги выскочил и побежал вперед, к ним, Георгий Иванович Зубарев – местный учитель немецкого, я понял, что были те два незнаком-

ца немцами.

Руководство колхоза в сопровождении Зубарева и немцев пошло к полю, на прокос. Держались они на почтительном расстоянии от шоферов и комиссии. С последними, правда, поздоровались сдержанными кивками.

– И сзади у них тоже slaas, – сказал я, глядя на первый из четырех комбайнов, остановившихся почти возле нас с Машей.

– Разляпистые какие, – удивленно проговорил Титок, глядя на комбайны – квадратные, что твой коробок от спичек. А красивые, цветастые.

Комбайнеры сидели в своих машинах недолго. Поняв, что руководство отошло поговорить, стили они выбираться наружу, сходить на землю.

Было их четверо: трое молодых, а четвертый постарше, кряжистый, с пузиком.

Все они стали у комбайнов. Кто-то закурил, кто-то оглядывался по сторонам. К нам идти не торопились, будто бы остерегались. Почти все остерегались.

Один комбайнер, тот, что шел в первой машине, глянул на нас с Машей. Вернее, на Машу. Заулыбался. Был он высокий и крепкий. Светловолосый. Лицо его было бы белым, однако уже покрылось легким Кубанским загаром. Одетый в синий спец комбинезон и белую рубашку в мелкую клетку, потопал он к нам, чуть не поблескивая зубами.

– Сдравствуйте! – Внезапно, почти без акцента обратился

он, почему-то не ко мне, а к Маше, – скажите, а можно ли у вас что-то спросить?

Глава 4

Маша растерянно глянула на меня. В глазах ее горел немой вопрос. Видел я, что немец этот смотрит на Машу так, как смотрят, обычно, на красивых девушек молодые, полные сил парни. Смотрит, как на женщину, которую очень бы хотелось ему получить в свои руки.

– Зависит от вопроса, – вмешался я немедленно, – и потом, не знаю как у вас, а у нас, в Союзе, принято перед обращением знакомиться да представляться.

Немец зыркнул на меня недобрый взглядом. Взгляд, впрочем, недобрый был только пару мгновений. Потом смягчился. А улыбка и вовсе все это время не сходила с его правильных черт лица.

– О, – начал он, глядя уже на меня, – прошу прощения. Мое имя – Клаус. Клаус Рихтер. Очень приятно познакомиться.

Немец протянул руку сначала мне, потом и Маше. Пожимая Машину маленькую кисть, он разулыбался еще сильнее. Дружелюбно засмеялся.

– Хорошо говоришь по-русски, Клаус, – сказал я, – где учился? Или жил у нас? В союзе?

– О! Ну что фы, что фы, – улыбнулся Рихтер, однако сделал он это одними губами. Взгляд его светло-голубых глаз потяжелел, упершись в меня, – фы преувеличиваете.

– Совсем нет, – ответил я.

– Ну что же, – он перевел взгляд свой на Машу, и тот немедленно помягчел, – благодарю за такую лестную оценку. Meine mutter, – перешел он на немецкий, – фо фремена фойны была... Как это по-русски? Ostarbeiter.

– Так и будет, – ответил я, – остарбайтер. Значит, была твоя мама остарбайтером.

– Та, – кивнул он, вновь наградив меня холодноватым взглядом, – а папа... Эм... Deutscher Ingenieur.

– Инженер.

– Та! Та! Иншенер! – Он заулыбался Маше, – и, поэтому, русский ф моей семья немного фторой язык.

Маша же смотрела на него с настороженностью. И хотя в разговоре немец ловил Машины взгляды, она тщательно прятала от него глаза, держалась ко мне поближе.

– И какой же у тебя вопрос, – сложил я руки на груди, – товарищ Рихтер?

– Ну, по прафде сказать, – ответил он, – фопрос у меня польше к фам, fräulein.

С этими словами он снова заулыбался Маше.

– Ну тогда не тяните, пожалуйста, – немного раздраженно ответила она, – какой у вас вопрос? Мне уже на работу надо. Тороплюсь.

– О! Я не садершу фас надолго! Просто у меня... Как это сказать? – Рихтер тронул висок и скривался, – голофа.

– Болит голова? Таблетку дать? – Маша нахмурилась,

сдвинула красивые свои бровки к ровному носику.

– Та! Та! Ja! – кивнул он, – полит голофа!

– Так, – сказала строго Маша и стала рыться в своей аптечке.

Немец же глянул на меня. Улыбка его немного померкла и превратилась во что-то вроде неприятной гримасы.

– Вот вам две таблетки аскофена, – Маша извлекала из аптечки красненькую пачку, достала таблетки, – у вас есть запить?

– Что? – Улыбнулся ей немец, принимая пилюли, – что ест?

– Вода. Запить. – Отрывисто сказал я.

– О! Ja! In meinem mähdrescher.

– Что? – Не поняла Маша.

– Говорит, в комбайне есть у него вода, – сказал я, – ну тогда давай, дорогой товарищ немец, – глянул я на него, – иди голову лечить. А мне мою невесту нужно отправить на работу.

От слова “невеста” Маша занялась таким румянцем, что показалось мне, будто сейчас она целиком превратится в красную вишенку. Когда я посмотрел ей в глаза, девушка восторженно ответила мне своим взглядом.

– Was? — Не понял Рихтер.

– Пора нам говорить, – я изобразил пальцами человеческую походку, – идти.

– О! Та! – Он снова заулыбался Маше и пошел к своему

комбайну.

Я же повел Машу к Казачковской машине.

– Ух ты, – снял Титок кепку неожиданно, когда мы проходили мимо него.

Проследил я за удивленным его взглядом. А направлен он был аккурат на немецкую технику.

Там, у последнего комбайна, немцы устроили суету. Но поразило его не само это событие, а его участники. Или, вернее, участница.

Последний комбайн, на котором ездил кряжистый пузатый немец, заглушил свой двигатель. Немец откинул боковой квадратный щиток, обнажив валы и ремни передач своей машины.

Молодая девушка-инженер, рылась под щитом, проверяя комбайновские ремни на силу натяжения. Кряжистый же стоял рядом. Сложил он на груди свои крепкие рабочие руки, перекидываясь с девушкой непривычными в Красной словами своей немецкой речи.

На девушку и глядел Титок. Глядел и удивлялся. А та, маленькая, и шустрая как рыбка, потряхивала своими волнистыми до плеч волосами, быстро-быстро работала маленькими ручками. Даже мешковатая ее мужская одежда: комбинезон с рубашкой, не срывали ее стройности и красивых женский форм.

– Ты че, Титок? – Улыбнулся я, – на немочку засматриваешься?

– Чего? – Потемнел он лицом, – чего ты такое говоришь? Ни на кого я не засматриваюсь!

Девушка и толстый комбайнер, услышав нашу шутовскую перепалку, обернулись. С серьезными лицами посмотрели на нас. Титок аж покраснел. Я же, сдержано засмеялся.

– Ты хоть немецкий-то знаешь? – Посмотрел я на Титка с иронией.

– Да ну тебя, – обиделся Титок притворно, – не на кого я и не смотрю!

Растерянный, ушел он к своей машине.

– Надают тебе по шее, – сказал я Маше шутовски, когда мы с ней прощались у Казачковской машины, – за то, что сбежала ты с работы ко мне.

– А тебе не понравилось, что я к тебе приехала? – Немного грустно проговорила Маша.

– Очень понравилось, – я улыбнулся, – делай так в любое время, когда тебе захочется.

– Если бы я так могла, – вздохнула Маша, – я бы и не уезжала вовсе. Осталась бы с тобою, – она опустила глаза, – чтобы всегда-всегда на тебя глядеть.

– Наглядишься еще, – сказал я ласково.

– Нет, Игорь, – покачала она с улыбкою головой, – не нагляджусь.

Не успели мы с Машей распрощаться, как оказался Титок тут как тут:

– Слыш, Игорь? – Спросил он смущенно, – а у тебя ключа

на семнадцать не будет?

– А где твой? – Удивился я, глядя, как Титок мнется передо мною.

– Да я Микитке занял, а тот, черт белобрысый, не возвращает уже неделю. У других долго бегать, спрашивать. Ты ближей всех оказался.

– Ну есть ключ. А тебе зачем? Поломался? Мож помощь нужна какая?

– Да то не мне, – махнул рукой Титок, а потом залился краской, как девочка.

Поглядев над его плечом, понял я, в чем дело. И рассмеялся.

Стояла у его машины девушка-немка, да глядела на нас с Титком серьезным своим, деловитым взглядом.

– Фройлине, значит, своей услужить хочешь? – Сквозь смех проговорил я.

– Да ничего и не услужить! – Обернулся он украдкой, а потом как-то испуганно нахмурился, – давай быстрее! Пока она к кому другому не пошла!

Сдерживая очередной приступ смеха, пошел я к Белке в кабину. Очень мне забавно было, как Титок отпирался, а потом тут же побежал немочке угождать.

– Вернешь вечером, – сказал я строго, когда передавал ему свой ключ, – как хочешь вернешь. Если твоя новая зазноба его умыкнет, найдешь мне новый.

– Да никакая она мне не зазноба! – Возмутился Титок, –

это я так, из вежливости!

– Ну-ну, – глянул я на Титка снисходительно, – давай, держай. Вежливый ты наш.

Титок напоследок наградил меня краткой улыбкой и быстро побегал к своей немочке, чтобы ей угодить. Видел я, как они, общаясь чуть не на пальцах, пошли вместе к немецкому комбайну.

Когда решил я глянуть, чего это Казачок не уезжает, то увидел, как тот Рихтер снова трется рядом с Машкой. Девушка же, все пытается от него отбиться, уйти в машину, да тот забрасывает ее своими вопросами. Тормозит, в глазки заглядывает.

– Вот зараза неугомонная, – я нахмурился, – быстро вылечился, фриц.

Пошел я решительно туда. К ним. Уже на подходе моем, Клаус переменялся в лице: черты его ожесточились, свел он светлые свои брови к переносице. Посмотрел на меня недобро.

– Что, Клаус, – сказал я, на ходу, – не проходит голова?

– Нушна еще одна таблетка, – ответил он холодно.

– В комбайне у себя поищи.

Приблизившись, стал я между ним и Машей. Заглянул немцу в глаза. Не боялся он моего взгляда. Смотрел и не отводил своих арийских, етить их, зенок. Замерли мы друг напротив друга. И когда хотел я уже отправить его пенделем обратно к своему ящику на колесах, вмешалась тут Маша:

– Ну ладно, Игорь, – она юрко подскочила ко мне сбоку и тронула лицо, приклонив к себе, чмокнула меня в щечку, – пора мне. А-то и правда в поликлинике съедят.

Глянул я в ее глазки. Была там смесь смущения и беспокойства.

– Езжай, – и ничего не бойся, – ответил ей я.

Маша, не взглянув на немца, побежала к кабине.

– Фы уезжаете? – Удивился Клаус, которого будто бы и не смутил Машкин поцелуй.

Однако, не дождавшись ответа, он торопливо добавил:

– Auf Wiedersehen!

– Двигай! – Обернувшись, крикнул я Казачку.

– Ага! Давай Игорь! До вечера! – Закричал тот в ответ и закрыл дверь в кабину.

Вместе с немцем пронаблюдали мы, как Казачок погнал свой газон по прокоосу, развернулся и пошел обратно в горку, миновав немецкую колонну машин.

– Красифая у фас schwester, – провожая машину взглядом, улыбнулся Клаус.

– Не сестра она мне, – ответил я, – а невеста.

– О! – Клаус сделал удивленное лицо, – это все потому, что я, иногда плохо понимаю фаш язык. Ну, то, что нефеста, это ничего.

– Будешь к ней приставать, – глядя немцу в глаза, сказал я спокойно, – получишь по шее.

– Was?

– Да понял ты все. По глазам вижу, что понял.

Еще пару мгновений смотрели мы друг на друга, как два вражьих волка. Вдруг взгляд немца скакнул над моим плечом. А потом он пошел обратно к своему комбайну. Обернувшись, увидел я, как руководство колхоза вместе с немцами садиться в волгу.

– Игорь! – Крикнул мне Вакулин, – ну чего ты? Готов? Начинаем учения!

– Готов! Иду уже, Евгений Герасимович!

Вечер того же дня.

Отделение райкома.

– Ну чего ты упрямишься, Ира? – Егоров прислушался внимательнее, приблизился ухом к закрытой двери кабинета Аллы Ивановны, – такой шанс выпадает раз в жизни!

Когда Егорову передали, что Алла Ивановна ждет его у себя в кабинете по какому-то важному делу, он почти сразу бросил всю свою работу и поспешил ко второму секретарю райкома.

Следуя по-пустому в конце рабочего дня кабинету, Николай Иванович чувствовал какое-то беспокойство. Вообще-то, он чувствовал беспокойство каждый раз, когда Алла Ивановна звала его к себе в кабинет. Потому как вызов этот обещал Егорову неприятную, а иногда и не очень... законную работу. Работу, связана которая, чаще всего была с подлогом. Николай Иванович не любил делать подлогов, по по-

нятным причинам, однако выступить против Аллы Ивановны боялся. Очень боялся.

Когда пришел он к кабинету начальницы, то услышал за тяжелой деревянной дверью приглушенные голоса. Егорову даже в голову не пришло, что можно просто постоять в стороне и подождать, пока там закончат разговаривать о делах, в которые он был совершенно не посвящен.

Следуя своей натуре, Николай Иванович оглянулся кругом и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, приблизился к двери. Стал слушать.

– Ну я же уже сказала тебе, Мама, – зазвучал новый, но знакомый Егорову девичий голос, – что не хочу я всем этим заниматься! Не по мне это!

Егоров нахмурился. Голос принадлежал Ире, дочери Аллы Ивановны.

– Ты, похоже, – продолжала Анна Ивановна, тяжело вздохнув, – не понимаешь в чем тут дело. Место свободное. Один из участников отряда по соревнованиям выпросил у нас место для своей сестры, да не где-нибудь, а в московском медицинском училище! А потом взял, да и отказался. А запрос на место мы уже по партийной линии отправили. Ответа ждем. И ответ, будь уверена, будет положительный.

– Отказался? – Спросил у самого себя Егоров, – когда это Землицын отказался от такого места?

И правда, не слышал Николай Иванович от Землицына таких слов. Не получал заявления, в котором он бы отказал-

ся. А вот ходатайство на одно место в училище, чтоб без экзаменов пройти, Егоров печатал собственными пальцами.

Выходит, это очередной какой-то Аллы Ивановны мухлеж. Да такой, в который Егоров пока еще не посвящен. Но скоро будет, он понимал это четко и ясно.

– Мама, – с таким же вздохом и почти такой же интонацией, как у Аллы Ивановны, произнесла Ира, – ну не хочу я в Москву. Не хочу по врачебной дорожке идти. Мне и тут хорошо. Я сейчас в комсомоле, а потом пойду по партийной карьере, как ты. Ну и все.

– Да как же ты не поймешь?! Это ж какой почет может быть! Он же отказался! Место останется, и я легко тебя на него переведу! У меня есть к тому нужные связи!

– Мама, – ответила ей Ира почти сразу же, – да это ты не поймешь. Чтобы по медицине пойти, упираться нужно сверх меры. А тут, у нас, я уже всюду на хорошем счету. Меня все местные комсомольские организации знают и ценят. Как говорится, где родился, там и пригодился. Зачем прыгать выше, если уж и так все правильно идет?

Вот значит, как выходит... захотела Алла Ивановна вернуть по этому пути свою дочь. Такое ее желание Егорова страшно удивило. Да еще при том учете, что Землицын-то ни от чего не отказывался.

Мать с дочерью, еще немного поспорили-поспорили, да не договорились.

– Ну ладно, ма, пойду я. У меня еще сегодня вечером со-

брание в нашей городской ячейке. Нельзя мне опаздывать.

Эти слова отразились у Егорова горячими мурашками по всей спине, и он отпрыгнул от двери. Сделал вид, что стоит и смиренно ждет у коридорного окна.

– О, привет, Ирочка! – Поздоровался он, когда девушка вышла из кабинета, – а это ты там с Аллой Ивановной? А я и не знал, что ты тут! Подошел, слышу, кто-то в кабинете разговаривает, ну и решил подождать! Да только долго ждать не пришлось. Ты почти сразу вышла.

– Здравсте, – только и сказала Ира, глядя на Егорова равнодушным взглядом.

А потом девушка потопала на своих коротеньких широких каблуках по коридору, в сторону лестницы на первый этаж.

Егоров зашел в кабинет.

– А, ты тут уже, – сказала Алла Ивановна, нервно поправляя на своем столе печати и карандаши.

– Ну да, Алла Ивановна, – занял Егоров деревянный стул, все еще теплый от Ириного на нем сидения, – звали же.

– Звала, – она вздохнула, – скажи мне, Егоров, где заявления членов отряда на вступление, собственно говоря, в отряд? Почему они все еще не у меня? Мне нужно по ним отчет делать. В Крайком.

– Так, я же вам передал, – развел руками Егоров.

– Передал, – Алла Ивановна взяла со стола стопку тетрадных листочков, – но не все. И среди них нет того, что своей

рукою писал Землицын.

Во рту Егорова от волнения загустела слюна. Он с трудом сглотнул ее и ответил:

– Ну... У Землицына заявление принимал не я, а Вакулин. Стало быть, оно у него в кабинете должно лежать. Там заявление Землицына и еще нескольких шоферов.

Алла Ивановна вздохнула. Сложила руки локтями на свой стол. Опустив голову, стала массировать себе виски.

– Это очень плохая новость, Николай Иванович, – сказала она наконец.

– А почему? – Удивился Егоров, – почему плохая-то? Потом одним отчетом все отправим.

– Мне не надо одним отчетом. Мне надо, чтобы у меня на руках, завтра, было заявление Землицына. Ясно тебе?!

– Ну да, – Егоров растерялся, – ну да, Алла Ивановна, я скажу Вакулину...

– Никаких Вакулиных! – Рывкнула она так, что Егоров чуть не подпрыгнул, – ты, Коля, как хочешь, но, чтобы завтра любыми средствами заявление мне достал. Хоть укради, хоть хитростью выуди, но к вечеру должен принести!

– Хорошо, конечно, – ссутулил Егоров плечи. Потом замолчал на полминуты, наблюдая, как сердитый румянец сходит с лица Аллы Ивановны.

Потом, когда секретарь успокоилась, Егоров, наконец, решился:

– А скажите, вам нужно именно заявление Землицына?

– Да именно Землицына, – ответила она строго.

– А зачем оно?

– Вот принесешь, – Алла Ивановна недобро зыркнула на Егорова, да так, что у того спина вспотела, – тогда и узнаешь, Коля.

Учения сегодня прошли штатно. Вечером, к пяти часам, я уже был у дома. Выпросил у завгара себе Белку, чтобы вечером отвезти Светку к Сашке. Милиционера должны были уже снять с поезда, и Саня, должно быть, полным ходом уже мчался к Красной на служебной машине, высланной за ним со станции.

Я подъехал ко двору, поставил Белку у ворот. Выпрыгнув из машины, зашел во двор и, привычным делом, почухал Жулика за выпуклый его лоб.

Пес, как всегда радостно ластился и прятал хвост меж кривых своих задних лап. Вилял мне чуть не всем задом.

– Ма! – Крикнул я, идя к дому, – ма! Ты уже тут?

– Нету, – вышла на порог, услышавшая меня Светка, – не пришла еще с колхоза.

– Привет, Светка, – улыбнулся я Сестре, – а ты чего такая кислая, будто жабу проглотила?

Света не ответила. Только протянула мне желтенькую бумажку. Взяв ее, я вчитался в текст.

– Угу, – сказал я задумчиво, – повестка.

Глава 5

– Завтра, в шесть вечера, – читал отец внимательно, – явиться в отделение милиции станицы Красной для дачи объяснений по делу М. Серого. Мда...

Всей семьей собрались мы в нашем зале. Я сел на диван, что стоял под стеною, укрытую красным ковром, Света, бледная лицом, устроилась на том конце дивана. Мама, без конца причитая что-то себе под нос, уселась в низенькое креслице, которое было не поодаль от печной стены. Отец же, как глава семьи, сел в свое мягкое креслице, перед железной тумбой с телевизором “Рубин”.

Отец, держа в руках маленькую серенькую бумажку, прищутив глаза, смотрел на нее сквозь очки. Читал.

– Мда, – повторил он и, сняв очки, поглядел на меня, – Квадратко прислал.

– Знаю, – пожал я плечами, – читал. Хотят взять у меня объяснения.

– Вот зачем! – Не выдержала мама и встала, – зачем везде ты со своим любопытным носом лезешь?! Как пошел работать в свой гараж, так ни дня спокойного нету! То у тебя какие-то суды, то немцы! То Серые вокруг тебя бегают! Голову разбивают! Ну что это такое?!

– Ма, – улыбнулся я, – да тихо ты. Страшного ничего не произошло. Все живы-здоровы.

– Меня ты в могилу сведешь! Меня! – Всплеснула она руками, – ты там едешь непонятно, где, а я каждый раз, как что с тобой случается, так за сердце хватаюсь!

Мама скривилась, как бы от боли, прижала руки к груди.

– Светка, – строго сказал я, – сбегай, валидолу принеси.

– Угу, – пискнула сестра и пошла в соседнюю комнату.

– Сегодня в тебя с ружья стреляют, а завтра чего будеть?! Какие мне еще новости дома ждать?! – Не унималась мама.

Мы с отцом переглянулись.

– Да не квохчи ты, квочка, – сказал отец строго, – взрослый сын. Сам разберется, как ему жить.

– А что ты будешь делать, ежели его завтра привезут...

Привезут... – Мама недоговорила.

Ее лицо горько скривилось. По щекам покатались слезы.

Спрятавшись в ладошки, принялась она беззвучно плакать.

– А что ежели его посодють? Что ежели в тюрьму посодють? – Плакала она, – я же тогда не переживу! Прямо так как есть и помру!

Я вздохнул тихо, а потом встал, приблизившись, мягко обнял маму. Та тут же, не мешкая, легла мне на грудь.

– Ну, тихо ты, ма, – я стал гладить ее по округлой пухлой спине, – не плачь. Никого у нас не посадят.

Подняв глаза свои от покрасневшегося маминого лица, прижавшегося к моему плечу, посмотрел я на Светку. Спешила она к нам с валидолом и алюминиевой кружкой воды, чтобы мать могла напиться, перебить слезы.

– Ма, на, – сказала Светка тихо.

Мама, аккуратно взяла у нее кружку. Пила долго, громко делая каждый глоток. От валидола отказалась.

– Пообещай мне, Игорь, – сказала она, как вернула Светке стакан, – пообещай, что ничего не случится с тобой. Что будешь ты себя беречь.

Я по-доброму хмыкнул. Глянул на грубое, но добродушно улыбающееся отцовское лицо.

– Обещаю, мама, что буду себя беречь. И что со мной ничего не случится. Что ни с кем из нас ничего не случится. Честное слово даю.

Сашка! Сашенька! – Закричала Светка, как только выпрыгнула из Белки.

– Светочка!

Светка, со всего разгону, бросилась к Сашке, который вернулся из командировки. Застали мы его, аккуратно, когда узик оставил его возле двора. Когда целовал он в щеки свою маму.

Подхватил Сашка Светку, стал вертеть на руках. Оба засмеялись весело. Потом, опустив, ее на ноги, начал Сашка целовать ее, не стесняясь ни меня, ни матери. Целовал всюду: в лоб, в щеки, в глаза, в губы. Шептал ласковые, одной только Свете слышные слова.

– Игорь! – Оторвался он от Светы, – здорово!

Я улыбнулся молодому милиционеру и выбрался из машины. Встретившись у Белкиного носа, мы поздоровались.

Сашка, разулыбавшийся, долго тряс мою руку. Благодарил меня за то, что уберег я Свету в тот раз от ребят с аула. Бормотал торопливо что-то о том, что все хотел позвонить, что сердце у него было не на месте.

– А вдруг снова уворовать попробуют! – Говорил он, – а меня и нету! А я тут, в Волгограде трясусь, в этой чертовой командировке! А! Етить ее!

– Не украдут, – сказал я, – уж я свою сестру защитить сумею.

– Да знаю я, знаю! – ответил он быстро, – да только у меня сердце все не на месте! Все думал звонить Светке. Да только как? Куда?! Да черт его знает! Эх! Знал бы ты, как я ждал сегодняшнего вечера!

Вдруг Сашкины глаза заблестели в сумерках и бросился он ко мне обниматься.

– Ну, чего ты, – удивился я.

– Прости, Игорь! – Сказал он приглушенно, – просто переполняет меня радость, что Светку я увидел. Что все с ней хорошо. Что ты мне ее привез на свидание. Не знаю, куда мне ее, эту радость, девать! Так хоть с тобой поделюсь!

– Ну все-все. Поделился уже, – Вежливо выбрался я из объятий Саниных.

– Ой! – Изменился он в лице внезапно, – не побеспокоил ли я тебе рану?

Сашка уставился на мою перебинтованную руку.

– Слышал я, что в тебя стреляли, – он нахмурился, обнял

подошедшую Светку, – что вызывает завтра Иван Петрович тебя для дачи объяснений. Ты ничего не бойся. Этот Матвей Серый, он какой-то того, – Сашка покрутил у виска, – мне мужики, пока везли в Красную, рассказывали, что он странный. То сидит, ничего не говорит. То бормочет что-то про себя. Будто бы сам с собой разговаривает. Вот и держат его сейчас в камере. Распорядился майор задержать его на трое суток. До выяснения.

– Да я, собственно, – пожал я плечами, – и не боюсь. Потому как и нечего мне бояться. Нечего скрывать. Узнает Квадратько все, как было. И подтвердить все события могут и другие свидетели. Так что тут я в себе уверен.

– Это хорошо, – покивал Сашка, – ну я в тебе и не сомневался!

– Эх, ладно, – вздохнул я, – поеду. Смотри, Светка, заеду за тобой в девять.

Сумерки уж загустели. Небо раскрыло над Красной свой звездный калейдоскоп. Ленивые вечерние огоньки дворов и домиков не могли перекричать ночного небесного света.

Поехал я не домой, а к Машке. Очень уж мне приятно было смотреть на то, как милуются Светка с Сашкой. И почему-то, вид их, обнимающихся, воркующих, заставил и меня заскучать. Заскучать по Маше. Хоть и виделись мы с нею сегодня утром, что-то захотелось мне видеть ее и этим вечером.

Тогда вместо того, чтобы срулить с Ленина на Кочубея,

погнал я машину дальше, поближе к центру, чтобы там спуститься ниже, мимо станичной бани, и поехать к Машкиной хате. А ведь даже и не знал я: на дежурстве она, или дома сидит. Встретит ли меня кто возле ее дома? Ну, глянем. Там разберемся.

Подъехав к Машкиному сухенькому заборчику из крашенных старой красной жёрдочек, я даже и посигналить не успел.

Увидел с высоты Белкиной кабины, как открылась дверца под низеньким навесом при входе, как выбежала мне навстречу простоволосая, в легеньком цветастом сарафанчике Маша.

– Игорь? А я тебя... – сказала она тихо, когда мы встретились под дверью моей машины.

– Ну чего? – Улыбнулся я, прижимая Машины горячие девичьи бедра к своим.

– Тебя ждала. Хотя и не знала, приедешь ли.

– А как же мне не приехать? – сказал я, показывая ей свое перевязанное плечо, – мне строго-настрого приказали, менять каждый день.

– Но сегодня мы уже меняли, – улыбнулась она, задрав бровки.

– На поле пыльно, грязно. Один час там, за два простых считается. Так что мы с тобой еще и опоздали, – я улыбнулся.

– Ну хорошо, – сказала Маша, хитро ухмыляясь, – пойдём тогда в хату.

Мы вошли в неухоженный подзаросший низенькой, зеленой травкой двор. Потопали по прохоженной от калитки до входа тропинке. Очень чувствовалась тут, во дворе, нехватка мужской руки.

Еще бы, ведь Маша почти всегда была на работе. Бабушка же ее, захваравшая после смерти своего деда, не держала больше худобы.

Видел я кривые столбы базовой изгороди. Было там, в базу, пусто-препусто. Чистая, нахоженная утями да курями грязь, которая, обычно, бывает в базах, поросла там новыми зелеными кустиками травки.

Зато в хате у Маши был настоящий порядок. Было тут скромно, но чистенько: коридорчик при входе, проходная комната с печкою, которую использовали как кухню, да главная комнатка.

– А где бабушка? – Спросил я.

– До соседки ушла. У нее телевизор есть. Вот бабушка, когда я пораньше с работы прихожу, ходит к ней смотреть, ежели показывают там какой-нибудь фильм.

Когда зашли мы в главную, удивился я, такому большому количеству книг, что тут лежало. Прямо стопками стояли они на полу, на небольшом столике, на подоконниках. Книгами был завален лаковый шкаф. Даше с Машиной кровати, прежде чем туда сесть, пришлось снять книги.

– А я и не знал, – сказал я, разглядывая томик Шолохова про Поднятую целину, – что ты так читать любишь.

– Люблю, – почему-то смутилась Маша, – тут у меня книги больше по медицине. Но и художественная литература мне тоже нравится.

– А ты чего застеснялась-то? – Я улыбнулся.

– Бабушка говорит мне, – опустила она взгляд, – что мужики от таких, как я, шибко умных, убегают. Что не любят, когда бабы очень уж умничают.

– Вот как, – я ухмыльнулся, сложил руки на груди.

Маша повременила что-то говорить. Скромно села на кровать. Вздохнула.

– Я ее, конечно, ругаю, – сказала она наконец, – говорю, мол, глупости все это, что она говорит. А у самой тревожно на душе.

– Боишься, что и я от тебя убегу? – Тут уж я не сдержал смеха, – глупости все это. – А как же? – Сказала она, – конечно, боюсь. Ты вон, какой деловой. Ходишь, смотришь так, будто ежели что не по-твоему, так сразу вон из сердца, и вся недолга. Я ничего не ответил. Только улыбнулся Маше. Когда подсел я рядом, быстро почувствовал тепло ее бедро. Глянули мы друг на друга, и смущение с Машкиного лица, как смахнуло. Сделалось оно серьезным, а взгляд внимательным.

Я потянулся к Маше. Тронул ее спину, такую же горячую. Привлек девушку к себе. Когда подалась она в мою сторону, обнял я ее и второй рукою. От этого сорвался с губ ее жаркий стон. И так захотелось мне в этот момент ее поцеловать,

что я и не подумал сдерживаться. Прижал Машку к себе, и слились мы в поцелуе.

Заерзали мои руки по ее крепкому женскому телу. Разогрелись от нее в душе жара. В нос снова ударил тот чудесный Машин запах, вскружил голову круче любой водки.

Не успели мы опомниться, как упали на подушку.

– А ежели... бабушка... придет... – оторвавшись от моих губ, тяжело дыша проговорила Маша, но потом тут же снова утонула в новом поцелуе.

Если придет, там уж разберемся. А сейчас не до этого нам. Не стал я Маше по этому поводу ничего говорить. И судя по тому, как жарко она подо мной распалилась, и сама Маша все понимала. И самой ей было совершенно не до этого.

– Повязку мы тебе так и не поменяли, – сказала Маша, положив голову на мое плечо.

– Да и черт с ней.

Когда все закончилось, лежали мы на Машкиной узенькой кровати, крепко-крепко прижавшись друг к другу.

– Да как же это черт? – Маша, обнаженная, бросилась, было вставать, чтобы взять свою аптечку, – вдруг пойдет заражение!

– Стой, – не дал я ей встать, придерживав рукою, которой обнимал, – полежим.

Она подчинилась. Легла, забросила ногу мне на бедро. Так мы и молчали. За окном давно уже стемнело. Приглушенно стрекотали кузнечики. Свистели на чердаках сычи.

– Мне с тобой хорошо и очень спокойно, – сказала Маша шепотом.

– Я знаю, – ответил я с улыбкой, – слышу, как спокойно бьется твое сердце.

Полежали еще чуть-чуть. Помолчали.

– Сегодня, – внезапно сказала Маша, – в поликлинику приходил немец. Тот, Клаус. Меня искал.

– Вот как, – сказал я, задумчиво глядя в потолок.

– Угу, – Маша вздохнула, пошевелилась, легла на другой бок, спиной ко мне.

Тут же, прислонился я к ней сзади, обнял.

– Очень мне было неприятно, Игорь, – продолжила она, – когда немец под вечер приперся и стал меня спрашивать. Представляешь? Откуда-то узнал мои имя и фамилию.

– А ты что? – Спросил я тихо.

– А я спряталась в процедурной, куда ему было нельзя, да велела другим медсестрам меня не выдавать.

– Не знаешь, где немцев поселили? Ну, конечно же, не знаешь. Откуда тебе знать.

– Не знаю, – согласилась Маша.

– Ну что ж. Сам разужнаю. Схожу к этому Клаусу Рихтеру в гости, да объясню, что тут к чему. Коль уж по-хорошему не понимает.

– Побьешь его? – Испугалась Маша и даже встала, – ты ж представляешь, какой скандал тогда будет? Международный.

– Нужен он мне, бить его, – хмыкнул я, – я и без кулаков умею быть убедительным.

– Все равно, – она легла мне на грудь, – все равно я боюсь за тебя. Что случится что-нибудь дурное. Что ты...

Неожиданно заскрипела входная дверь в хату. Маша, тут же побледневшая, вскочила на руках, уставилась на выход. Глянул туда и я.

– Машенька, – прозвучал старческий голос, – а что? К нам Игорек приехал? Машенька, вы где?

Глава 6

– Ау? – Добавила бабушка, медленно входя в коридор.

Маша глянула на меня испуганными глазами.

– Ну, – прошептал я, – скажи что-нибудь!

– Что?! Я сейчас со стыда умру!

– Что угодно!

Девушка сначала на мгновение растерялась, а потом все же крикнула:

– Да! Я тут!

Маша подскочила, стала натягивать платье. Я же, не теряя времени, прыгнул с кровати и юркнул под койку.

– А Игорь где?

– Игорь... а Игорь... Он...

Оказавшись в темноте совершенно голым, на пыльном полу, я судорожно соображал, как же выкрутиться из этой забавной ситуевины. Глянул из-под кровати, чтобы разыскать, где осталась моя одежда.

Смотрел я меж белых Машених щиколоток, которые суетливо топтались босыми ступнями по деревянному окрашенному полу. Мои вещи лежали кучкой у тумбы.

– А Игорь вышел! – Наконец, выдала Маша и потопала куда-то к середине комнаты.

Стала она смотреть на бабушку, которая, по всей видимости, ходила где-то там, в других комнатах, вне моего зрения.

– Куда вышел?

Маша, суетливая, нервная, бросила на меня испуганный взгляд. Лицо ее покраснелось, волосы были растрепаны.

– Отвлеки ее, – выглянув из-под кровати, проговорил я беззвучно.

Маша подняла удивленно бровки. Развела руками. Однако, подергавшись как-то нерешительно, вышла из комнаты.

– Ба! Пойдем, я тебе кое-что покажу! Тут такое! – Услышал я наигранно удивленный Машин голос.

– А ты чего такая все помятая, будто мешки таскала? – Спросила бабушка.

Я в это время как раз тянулся за вещами, пытаюсь затащить их под кровать, чтобы переодеться. Однако услышав бабушкины слова, едва удержался от смеха.

– Да я... Читала! Очень уж чтиво попало интересное, и я вся распереживалась.

– Вон оно как.

– Ба! Ну пошли!

С первого раза не смог я забрать свою одежду. Не дотянулся. И тогда пришлось мне выбраться чуть ли не на две трети тела.

– Да подожди ты! Дай взять таблетки, – сказала внезапно бабушка, – что-то у меня от этого телевизора голова разболелась. Никак давление поднялось.

Когда я это услышал, чуть было не поперхнулся воздухом. Вот стыдобища то будет, если уж засекут! Да я-то ладно, уж

как-нибудь переживу такое веселье. А Машка-то как?.. Если ее бабуська за книги так чихвостит, то что будет сейчас?!

Услышав шаги к комнате, я напрягся, схватил ком одежды и быстро, как мог, полез обратно под кровать.

– Ба! Да давай я сама тебе принесу! Постой ты здесь!

Оказавшись в своем темном укрытии, стал я во всем этом комке выпутывать мое белье да брюки. Разбирать, где тут что.

– Да ты не найдешь, внученька! Ты мне лучше воды зачерпни.

– Ба! Да я сама!

– Ты чего, Машка, – строже сказала бабушка, – я что, безногая? Аль безрукая? Попросила же тебя воды принести! А от наших споров у меня только сильнее давление подпрыгиваеть.

Я замер, когда услышал шаркающие бабушкины шаги. Потом увидел, как появились в комнате медлительные старческие ноги. С трудом зашагали они по ковру. Потом бабушка со скрипом села на свою койку, стала чем-то шуршать.

В комнате было тихо-претихо. Только бабушка мерно сопела при дыхании, да шевелила что-то на своей тумбе. Покашливала. Я же, потянувшись надевать трусы. Решил проверить, насколько это у меня громко получится. Получилось очень тихо, но неудобно. Пришлось поджимать ноги, да так аккуратно, чтобы не сильно упираться в сетчатое дно койки.

Кое-как корячусь, нацепил я и брюки. Медленно застег-

нул ширинку. Остался у меня в руках комок белых каких-то шмоток. Стал я и его ворошить, пытаюсь отыскать свою светлую рубаху.

– А это чего такое? – Вдруг сказала бабушка, и я замер.

Она встала с кровати. Увидел я, как пошла Машкина бабулька к моей койке. Однако не было у меня времени ждать, пока она там насмотрится. Стал я рыться дальше.

– Вот зараза, – не удержался я от шепота, когда понял, что в руках у меня нету моей рубахи.

Остались только какая-то Машкина ночнушка, да... ее светлый бюстгальтер.

– Ба! На воды, – вернулась Маша.

– А это чье? Игоря?

Машка не отвечала, видать, застыла в нерешительности. Понял я в тот момент, что нашла бабушка мою рубашку на кровати. Значит там она и осталась, а все остальное мы скинули.

Выглянув из-под кровати, посмотрел я на окоченевшую от удивления Машу. Та, раскрыв глаза, стояла и молча смотрела на бабушку. Вдруг взгляд ее скакнул на меня.

Я жестом кисти показал я ей, пусть, мол говорит, не молчит как истукан. Ну Маша и заговорила:

– Ну... Да, Игорева...

– А чего это он? Вышел голышом по пояс? Куда он так пошел-то?

– Так, – поторопилась ответить Машка, – на баз, в туалет.

– Угу. Гольшом.

Машка снова глянула на меня. Я стал обмахивать себя рукой, будто веером, дышать, надувая щеки.

– Ну да! Духота-то стоит, ужас какая!

Догадливая Маша пошла к окошку. Поставила воду куда-то на тумбу, а потом услышал я, как раскрыла она оконные створки. В комнату тут же ворвался ясный и чистый стрекот сверчков.

– Вот оно как, – недоверчиво сказала бабушка.

– Ты давай мне рубашку, ба, я ему и передам.

– Ну, на.

Бабушка вернулась на свое место и снова стала чем-то шуршать. А я увидел, как упала к Машкиным ногам моя рубашка. Я быстро хапнул ее и втянул под кровать. Извиваясь в неудобстве, принялся вдевать руки в рукава.

– Ну пошли, покажешь, чего ты там нашла, – сказала бабушка, напившись, – правда, мне бы сначала полежать. Или у тебя чего срочное?

– Срочное! Очень срочное!

– Эх, – вздохнула бабуська и, скрипя кроватью, встала, – пойдем, неугомонная.

Как только вышли они из комнаты, Маша закрыла за собою дверь.

– Умница моя, – проговорил я тихо и стал вылезать из-под кровати. Весь грязный и пыльный, полез к окошку, чтобы выбраться на улицу. Быстро оказавшись снаружи, я по-

бежал к базу. Оглядываясь, не видит ли кто, юркнул между хатой и изгородью. Торопливо стал красться на ту сторону, где была старая дверь в баз. Пригнулся по пути под маленьким окошком коридора.

– Машка! Ты что?! С ума сбрендила?! – Услышал я Бабушкин голос во дворе.

– Да говорю тебе, ба! Был тут еж, а теперь пропал! Смешной такой. Фырчал.

– Да что я, ежей, етить их туда налево, не видала?!

– Здравсте! – Вышел я из-за хатенки как так и надо, – простите, что-то я там задержался!

– Привет, Игорь, – улыбнулась мне Машкина бабушка.

Маша с ней стояли в свете уличной лампочки, возле входа в хату. Вдруг, Маша принялась мне что-то шептать, гладить себя по челке.

Понял я ее не сразу, а потом смахнул с волос густую паутину.

– Опа, какая, – сказал я, не подавая виду, – видать, в туалете у вас поймал.

– Ну да, – бабушка заулыбалась, – у нас там такие пауки, иной раз бывают. Жирные, почти как воробьи! Ты не стой, Игорек, проходи-проходи. Давай я тебя чаем угощу. Я пампушек напекла с медом.

Когда вошли мы внутрь, на свет, что был поярче уличного, Машина бабушка вдруг сказала:

– Слушай, Игорек, забыл ты у нас в комнате свою, – обер-

нувшись, она осеклась. Как-то странно на меня поглядела. Нахмурила свои, за толстыми линзами очков, глаза.

– Чего такое? – Улыбнулся я немного растерянно.

– Рубашку... Забыл... – закончила она.

Потом проморгалась. Прищурившись, вытянула шею вперед, как бы рассматривая рубашку, которая, к слову, была уже на мне.

– Да не, – потер я шею, – чего-то вы путаете. Ничего я не забывал.

– Как это не забывал? – Она развела руками, – я же видела, и ты Маша, тоже видела на кровати Игореву рубашку.

– Какую рубашку? – Изобразила Маша удивление.

– Да вот эту же! – Бабушка указала своей узловатой рукою на меня, – вот эту самую. Которую сейчас... Игорь... Носит...

– Да не! Рубашка эта всю дорогу на мне была и никуда не девалась.

Машина бабушка нахмурилась. Обернувшись, поковыляла она в переднюю. Стала бормотать:

– Да как же это? Я ж видала своими глазами!

Мы с Машей хитро переглянулись. Она закрыла рот и беззвучно рассмеялась.

– И правда, – вернулась бабушка, – нету! Что-то я совсем старая стала! Уже чудится мне всякое! Рубашки какие-то!

– Да ладно вам, – улыбнулся я бабушке, – пойдете ваши пампушки кушать. А рубашка... Да и черт с ней.

Следующим утром нужно было на работу. Как полагалось, приехал я к восьми утра в гараж. Машка сегодня не дежурила, однако к осмотру на алкоголь пропустили меня без очереди, как участника соревнований.

Получив свою отметку, отправился я в кабинет завгара.

– Ну этот дурень на себя полведра керосину и налил! – Сказал Федотыч и механики весело грянули грубым хрипловатым смехом.

– Здорова, – вошел я и тут же посмотрел на Степаныча.

Механик по выпуску в ответ бросил взгляд на меня с деревянного стула, на котором сидел, опираясь на тросточку. По его слегка перекошенному лицу было видно, что хоть и лучше ему уже, да только инсульт оставил на нем свои следы. Восстановится ли Степаныч? Да черт его знает.

Смех тут же утих. Завгар и Олегыч переменялись в лице, словно окаменевшие, застыли, уставившись на нас.

– Привет, Степаныч.

– Здорово, Игорь, – сказал Степаныч, помолчав пару мгновений.

Потом, увидел я, как затряслись его руки, и он принялся вставать.

– Да ты чего? Сиди-сиди, – пошел я к нему, чтобы усадить.

Однако, не успел я его коснуться, как схватил Степаныч меня за руку. Заглянул мутноватыми своими глазами в мои.

– Игорь, – сказал он, – спасибо тебе, что не дал согнуться. Что не посмотрел на наши прошлые обиды и спас мою жиз-

ню.

– Да будет тебе, Степаныч, – помог я ему вернуться на стул, – это все мелкие склоки, на которые и глядеть не надо, когда о человеческой жизни речь идет.

Старый механик улыбнулся. Потом внезапно спрятал глаза.

– И прости меня за прошлое. Очень мне перед тобою стыдно.

– Ай, – махнул я рукой, – говорю же, будет.

Оказалось, что после болезни, работа Степаныча в гараже остается под вопросом. Что плохо у него теперь работает часть лица и нога, а на правой руке отнялись два пальца. Немеет третий.

И вот, как только Степаныч научился более-менее ходить, так и выпросил у завгара, который часто его навещал, привезти его на работу. Хотел механик еще подышать гаражным воздухом.

– Видать, – сказал он, – досрочно я на пенсию.

– Главное, что живой, – сказал Олегыч, – что выздоравливаешь. А там глядишь и снова забегает.

– Если уж не забегает, – грустно вздохнул Степаныч, – то буду хоть в гости захаживать. Хотя пить мне, – он рассмеялся, – уже и нельзя.

– Ничего, – завгар хохотнул, – специально для тебя, будем мы хранить в диспетчерской компот!

Потом разговор зашел про Серых. Оказалось, что Степа-

ныч хорошо знает обо всем, что с Серыми твориться. Много ему рассказывал дядь Миша завгар.

– Ты прости их, Игорь, – сказал Степаныч, пряча глаза.

– Да ты то что извиняешься? – Ответил я, ожидая пока Олегыч допишет мне путевку, – ты тут вообще и близко ни при чем.

– Все равно. Они же мои родственники. И как-то чувствую я за ихние дела ответственность.

– Да брось ты, – я принял путевой лист, – не дури себе голову. Лучше здоровьем займись.

– Катька, Серых Мать, – внезапно начал Степаныч, – все еще ходит ко мне. Ухаживает. Болтает постоянно.

– Как она? – Спросил я.

– Разбитая, как старая колымага. Когда Пашка сбёг, а Матвей попал в милицию, не находит себе места. Уже который день. Мелет всякие глупости. Про тебя, про Мятого. Сегодня назначил ей Иван Петрович в четыре часа на допрос. Пойдет.

– Мне сегодня тоже в милицию нужно, – сказал я, – для дачи показаний.

– Может, пересечешься ты с ней, – Степаныч криво пожал плечами: правое поднялось слабей левого.

– Это вряд ли. Мне на шесть назначено. Ну ладно! Бывайте. Пойду я на учения. А то нашей комиссии и мыла не надо, чтобы куда не туда влезть, ежели опоздаешь.

Я направился к выходу, но тут же услышал Степанычево:

– Игорь, постой.

– Что? – Я обернулся.

– Нужно мне кое-что тебе сказать. По поводу Катьки Серой, сестры моей. И по поводу допроса. Что-то срочное.

– Это чего же? – Я глянул на него настороженно, – чего такое срочное?

Глава 7

Степаныч хотел было что-то сказать и даже открыл рот, но передумал. Глянул сначала на Олегыча, потом на завгара. Те уставились на него в ответ.

– Неловко мне, мужики, – сказал он, помявшись, – если б мог бы, сам с Игорем отошел за диспетчерскую. Но, сами знаете, ходок с меня нынче неважный.

Завгар засопел, явно не зная, как себя тут вести.

– Ну чего, – спас положение Олегыч, вставший из-за своего столика, – пойдем, мож, покурим? А, Федотыч?

– Ну пойдем, – не сразу ответил завгар, но все же кряхтя встал, – коль уж нас просят.

Степаныч как-то виновато опустил глаза. Вместе с ним, подождали мы, пока завгар с Олегычем выйдут из диспетчерской.

– Ну, куда прешь, Казачок? – раздался за приоткрытой дверью строгий голос дядь Миши.

– Дак, к Никите Олеговичу, за путевкой.

– Ай! Балда! Никита Олегович вот он, с нами! Пойдем лучше покурим, в кабинет покамест нельзя!

Дверь совсем захлопнулась, и остались мы со Степанычем одни.

– Катька на тебя донос написала в милицию, – тут же, без предисловий сказал Степаныч, – что, мол видела она, как это

ты стрелял в Мятого. Призналась мне вчера.

– Вот так номер, – сказал я задумчиво.

– Ага, – он вздохнул, – пытался я ее отговорить, поносил злыми всякими словами, за то, что она такая дура. А та уперлась, мол, не дам второго сына на растерзание. Первый и так неизвестно куда пропал.

– Глупо это с ее стороны, – я взял стул из-за стола Олегыча и поставил его напротив Степаныча спинкой вперед. Сел верхом, – там много свидетелей было. Много доказательств есть того, что стрелял Матвей.

– Мда, – Степаныч вздохнул, – это она больше с отчаяния. Думает, что сможет так отвести беду от младшего сына.

– Не сможет, – сказал я холодно.

– Да знаю, – покивал Степаныч, – я той вашей драки не видел. Слышал только по рассказам Катькиным. Мне она сказала, что ты стрелял, – нахмурился механик, – а вот Зинка Игнатова, мамка Ваньки Кашевого, которая ходила ко мне по очереди с Катькой, так та рассказала по-другому. Что стрелял Матвей. Что застрелил бы он и Ваньку Кашевого, да ты не дал.

– Если б Ванька когда надо не вбежал бы, – покачал я головой, – я бы так просто не смог бы Серого взять.

– Ну так вот, – Степаныч отвел в сторону мутноватые глаза, – Зинкина история складнее выходит. Убедился я в том, глядя на это, – он кивнул взгляд на повязку, что торчала из-под короткого рукава рубашки. – Ты думаешь, я просто так

в гараж приперся? Да мне до конца двора сложно добраться, ни то, что до гаража. Приехал я, чтобы тебе все рассказать.

– Спасибо, – я улыбнулся, но Степаныч ничего не ответил. Мы помолчали. — Что ж ладно, – я встал, – поговорю я по этому поводу с Квадратько. И с Екатериной Ивановной тоже.

– Это вряд ли. Потому как она не захочет с тобой разговаривать.

– Глянем, – улыбнулся я Степанычу, – ну ладно. Бывай, Егор Степаныч. Выздоровливай. И еще раз спасибо тебе.

– Тпру! Глуши его! – Кричал агроном Николаенко, который сегодня следил за комбайнами на втором маленьком тренировочном поле, где мы убрали небольшой недокосок ячменя.

Комбайны выстроились в линию у выезда с поля. Жатки их, что крутились еще мгновение назад, медленно заканчивали свой бег. Молотилки с гидравлическим шипением поднимались от земли.

Начался обед. Новые комбайны через час угонят на другое поле, а с ними и нас. Я, сделавший к этому моменту уже четыре рейса, сел с остальными шоферами в посадке. Каждый развернул свой обеденный узелок.

Видел я, как Николаенко запрыгнул на груженую Васки Ломова машину, зачерпнул из кузова ячменя. Спустившись, стал разминать его в ладонях, глядеть.

– Слышь, Герасимыч! – Подозвал он Вакулина, – а ячмень, кажись, бьет!

Вакулин подбежал к агроному, и стали они рассматривать зерно вместе.

Недолго я следил за ними. Хотелось есть, и я развернул свою газетку. Сегодня на обед у меня была жареная курица – остатки со вчерашнего ужина. Взял я куриное бедро руками и принялся обглаживать. Закусывать присоленным из спичечного коробка огурцом.

– Игорь, слышь, Игорь, – подлез ко мне сбоку Титок.

– Когда я ем, я глух и нем, – сказал я с набитым ртом.

– Да чего ты как маленький? Мне спросить кой-че надо.

– Ммм, – отмахнулся я, прожевывая вкусное мясо, – сам поел, дай другим.

Титок надулся обиженно, но отстал. Он поглядывал на меня терпеливо, ждал пока я доканчивал свое едово. Потом подлез снова:

– Игорь!

– Ммм? – я вытер жирные руки о тряпку, которую взял из Белки, – чего ты хотел-то?

– Да совет мне нужен твой, – заговорщически оглянувшись, начал Титок полушёпотом, – кажется мне, что только ты сможешь мне его дать. Потому как сам ты чуть ли не первую красавицу на поликлинике нашей заполучил. От Стеники Машку отбил.

– Вот так новости, – удивился я громко, – и даже выпрямился, сидя на траве, – это ж какой такой совет тебе надо?

– Да тихо ты! – Титок снова огляделся.

Однако другим шофером, кажется и дела никакого не было до нашего с Титком разговора: кто-то доедал обед, другие болтали, стоя под чьей-то машиной, курили.

– Ну ладно, не томи, – заинтересовался я, – чего у тебя там за секретное такое дело?

– В общем, – вздохнул Титок, – посоветуй мне, пожалуйста, как мне Эммочку заполучить.

– Кого? – Не понял я.

– Эммочку, – удивленно заморгал глазами титок.

– Какую еще Эммочку?

– Ну как же? – Вытянул Титок шею, – Эмма Кох. С немцев. Помнишь?

– Девочка-инженерочка, что ли? – Нахмурился я.

– Ну да!

На миг, между нами повисла молчаливая пауза. Я уставился в глаза Титку, а она в мои. А потом, я просто грянул таким хохотом, что шофера вокруг обернулись.

– Игорь, ну чего ты? Чего? – обиделся Титок, – чего тут смешного-то?

– Да того! – еле унялся я, утирая слезы, – тебе что? В Союзе не хватает девок, что ты на немок заризишься?

– Эх! – Махнул Титок рукой, – так я и думал, что не будет от тебя никакой помощи! А у меня ж, понимаешь, может настоящая любовь! Эмма, – замечтался он, – она какая-то другая, не такая, как наши, станичные девушки. Она...

– Титок, – вздохнул я, – ну ты серьезно думаешь, что она

останется в Союзе? С тобой будет жить? Так это ты как маленький!

– Ну не хош, не помогай, – Титок встал, – чего издиваеесся?

– Не издеваюсь я, – я тоже поднялся следом, – просто хочу сказать тебе, что брось ты это дело. На немочке-Эммочке свет клином не сошелся. А если полезешь туда, то можешь и на неприятности нарваться. Вдруг у нее жених есть?

– Нету, – быстро ответил Титок, – я уже узнал.

– У кого же? – Удивился я.

– У Эммы.

– А ты, что ли, немецкий знаешь? – Поднял я бровь вопросительно.

– Ну так. Как все. В школе учил. Да там другое! У нас, понимаешь, – Титок шлепнул руку об руку, – общение выходит как-то самом собой. Нету между нами никакой в этом отношении границы. Понимаем, что называется, друг друга без слов!

– Мда, Титок, – я потер висок, – кажись, ты и правда втюрился по уши. Так если вы друг друга без слов понимаете, то чего тебе еще надо?

– Понимаешь ли, Игорь, – он поджал губы, – холодна она ко мне как-то. Я с ней и приветливый, и вежливый. Как ни встретятся наши отряды, где в поле, так тут же за ней поухаживать бегу. А она, как энтот, как его? Как айсберг! Во!

Я ничего не ответил, только хмыкнул.

– В общем, Игорь, – посерьезнел он, – я тебя не спраши-

ваю, надо ли мне с Эммой крутить любовь или нет. Знаю – надо! Моя это девка. Ты мне скажи, как к ней подступиться-то?! Как мне еешний айсберг растопить?

– Да мне почему знать? – Пожал я плечами, – ты что, никогда с девчонками не гулял? Не знаешь, как оно бывает?

– Да гулял, гулял же, – стиснул Титок рубаху на груди, – да я же тебе говорю! С Эммой, с ней как-то все не как. Она другая, не как наши девки!

– Ну тогда тем более я тебе не помощник. Извиняй, Титок.

– Мда, – он вздохнул, – ну тогда хотя бы мнением поделись. Вот как тебе кажется, если я ей хороший, дорогой подарок подарю, поможет?

– Это какой же? – Свел я брови к носу.

– Эх, – Титок потер шею и кисло вато скривился, – пока и не знаю. Но, может, чего и придумаю.

– Ну попробуй, – я пожал плечами, – только даже не знаю, чего такое ты можешь ей подарить. Да еще и дорогое.

– Угу, – задумчиво возвел глаза к небу Титок, – незадача. Ну ладно. И на том спасибо!

– Да не за что, – сказал я, провожая Титка взглядом к его машине, – ты только в неприятности не угоди.

– Да капитально все будет! – Обернулся Титок на ходу, – вот увидишь!

Обед подходил к концу. От солнца, что было высоко, Кубанское небо казалось, чуть ли не былым. Жара крепчала. Даже в тени посадки все обливались потом. Кто выходил на

солнце, тут же спешил спрятать голову от пекла.

Комбайны уже ушли на другой участок. Завтра подходил последний день учений. Ну а потом грянет прямое состязание. Советские и немецкие машины, на глазах у немцев станут показывать то, на что они способны в прямом столкновении.

– Игорь, погоди! – Притормозил меня Вакулин, когда я собирался уже хлопнуть дверью.

– А! Чего Евгений Герасимович?!

Викулин, одетый в светлые брюки, мешковатую рубашку-безрукавку и белую кепку, спешил ко мне с худеньким кожаным портфелем в руках.

– Дело у меня к тебе есть! Срочное!

– Ну, – я заглушил двигатель Белки, чтобы не перекрикивать, спрыгнул из кабины на устланную половой землю.

– Проблема у меня вышла, – сказал Вакулин, приблизившись, – причем такая, что хоть убей. И только ты мне в этом сможешь подсобить.

– Ну и что ж у вас там стряслось-то?

– Помнишь заявление, что писал ты мне на вступление в отряд? Потерял, – Вакулин пожал плечами, – куда-то засунул, а куда – забыл. И хоть умри, не помню! А мне надо его секретарю райкома направить, чтобы тот отчитался по проделанной работе в крайком.

– Хотите, – догадался я, – чтобы я вам его заново написал?

– Ну да!

– Давайте, Евгений Гирасимыч, напишу. Бумага с ручкой есть?

– Конечно, – кивнул Вакулин и полез в свой портфельчик. Недолго пошуршав внутри чем-то, он достал единственный листик для печатной машинки, да ручку.

– Во! Последний остался! Повезло нам. Не будь бумаги, пришлось бы искать где-нибудь.

– Ну или, если бы вы не только мое заявление потеряли, но и еще чьи-то, – ответил, принимая листочек.

– Да не, – Вакулин улыбнулся, показал желтоватые зубы, – я всю стопку в кабинете храню. А твое, видать, не донес. Не помню! Ты не подумай, – строго свел он брови, – я не растяпистый. Просто вот, затерял.

– Да я и не думаю, – сказал я и полез в кабину Белки, потому как там удобнее было писать.

– Так-то я, – продолжал зачем-то оправдываться Вакулин, – все важные документы держу под ключом, в сейфе. А ключ только у меня и у... – Осекся он внезапно.

– Чего, – нахмурился я, – глядя на побледневшее Вакулинское лицо.

– Ну-ка отойдем, Игорь, – Вакулин подергал меня, сидящего в кабине, за штанину, – кое-что срочное надо мне тебе сказать. Похоже, возникла у нас с тобою проблема.

– Это что ж, – не понял я, – заявление вы потеряли, а проблема у меня?

Глава 8

– Если правильная ко мне пришла мысль, – сказал Вакулин задумчиво, – то у тебя тоже могут быть проблемы. Эх... Из-за меня, да. Но переговорить нам все равно надо.

– От кого прячемся? – Спросил я, глядя на Вакулина из Белкиной кабины.

Вакулин нахмурил брови, поджал свои тонкие губы. А потом покивал куда-то назад. Глянув в ту сторону, увидел я, как Алла Ивановна и Егоров болтают о чем-то с агрономом Николаенко.

– Значит, Евгений Герасимыч, думаете вы, что не потеряли мое заявление. Кто-то его, хм, взял.

– Думаю, – он кивнул.

– Ну ладно, – я выпрыгнул из кабины, – пойдёмте поговорим.

Вакулин еще раз оглянулся на секретаршу бюро, и вместе мы потопали за машину. Стали с той стороны, под Белкиным именем.

– Думаете, Алла Ивановна? – Спросил я

– Очень может быть, – он покивал, – заявление ж чем ей ценно? Почерком твоим. Подписью. А за ней в прошлом замечались уже подлоги. Да еще и по такой схеме. С заявлениями.

– Вот как, – я задумался, тронул подбородок, – какие под-

логи-то?

– Был скандал несколько лет назад. Собирали в край, со всего району добровольцев. Уж по какому поводу не помню, да вот ответственной назначена была тогда Алла Ивановна. Членом бюро она была, не секретарем.

– Ну и что? Подделала списки?

– Еще хуже, – пожал он плечами, – подделала подписи рабочих в списках. Кинься она раньше, желающие и так бы нашлись, да вот стала она доготавливать списки в последнюю неделю. Ну и не добралось народу. Так, они со всех заявлений, что в райкоме от граждан были по разным поводам, нашлапала туда подписей, мол согласные они.

– И как же она еще сидит на своем месте? – Я нахмурил брови, – это ж уголовное преступление.

– Угу, – снова кивнул Вакулин, – только Алла Ивановна увернулась. Перекинула все на подчиненную, Лидию Петровну Пересвет. Ну ее показательно пожурили. Выгнали из партии с позором. Судить, правда, не стали. А Аллочка осталась сидеть. Как я не давил на органы, чтобы поглубже в этом деле капнули, так и не смог добиться, чтобы и ее проверили. Есть у нее где-то нечестные подвязки. Только вот пойдй найди где.

– Значит, – сложил я руки на груди, – думаете, и тут такая же история? Взяла она мое заявление, чтобы устроить подлог? А зачем ей? Не. Ну, конечно, мы с Аллой Ивановной совсем не друзья, да только надо ли так рисковать, чтобы мне

просто подложить свинью?

– Ты ее не знаешь, – покачал головой Вакулин, – она хитрящая как лиса. Да только не очень умная. Возможно что-то есть у нее такое на уме. Может, ты задним числом, где числишься. Может еще, где пытаются тебя вписать. Я таких документов не видел. Но, – он вздохнул, – признаю, оплошал я тут. Очень оплошал.

– Как выкручиваться будете? – Я подбоченился, – не надо мне, чтобы где-то ни там я был вписан.

– Понимаю, – Вакулин кивнул, – обещаю выяснить сегодня. А завтра с тобой увидимся и поговорим по этому поводу.

– Ладно, – кивнул я серьезно, – пробуйте. Не хотелось бы мне и тут все в свои руки брать. Потому как от подковерных партийных интриг меня вывертывает наизнанку так, что сил никаких нету.

– Понимаю, – серьезно закивал он, – меня тоже. Да ничего не поделать. Коль хочу очистить хотя бы наш райком от всей этой бюрократической дряни, приходится их же оружием работать. Но все равно, Игорь. Стыдно мне перед тобой очень. А мож, могу я еще чем-то тебе помочь? Мож, нужно тебе что-то, чем подсобить? Ну, искупиться мне перед тобою хоть как-то.

– Да нет. Узнайте же там с заявлением, – пожал я плечами, а потом меня осенило, – хотя... Есть одна штука.

– Какая? – заинтересованно склонил голову набок Ваку-

лин.

– Расскажите, мне, где вы немцев расселили? Я у кого не спрошу, либо не знают, либо не хотят говорить.

Вакулин сначала удивленно поднял брови, громко засопел. При этом лицо его быстро потемнело, стало хмурым.

– А тебе зачем? – Спросил он.

– По личному делу. Ничего особенного. Просто познакомился я с одним из немцев на учениях, и кое-что надо ему передать.

– Вот как, – Вакулин задумался, – вещь какую?

– Вроде того.

– М-да, – он засопел. Полминуты молчал, решаясь, потом все же решился, – ладно. Раз уж я так перед тобой виноват, то скажу. Хутор Раздольный, что в пяти километрах от Красной.

– А, – хмыкнул я, – как я сам не догадался?

Раздольный был очень новым хутором. Вернее, заново отстроенном. Стоял он вблизи от тамошней огородной бригады, на которой, собственно все жители и работали. Там же стояла и ихняя МТС, небольшая, но с новым парком тракторов. Там и хранили, кстати, немецкие комбайны до начала учений.

В хуторе была своя школа, детский сад и фельдшерский кабинет. А самое главное, жилье там было квартирным. Ни хат, ни казачек в Раздольном не найти. Всюду стояла малоэтажная, но многоквартирная застройка на два-три этажа.

Видать, по колхозным квартирам и расселили немцев.

– Ага, – сказал Вакулин, – да только с немцами ты просто так не увидишься. Присматривают там за ними. И точно тебя не подпустят.

Присматривают, значит... Ну что ж, понятное дело, что если есть иностранцы, то где-то рядом будут и товарищи из КГБ. Наверняка без этого никак. И, скорее всего, будут тайно. Значит, действительно просто так в гости к ним не попадешь. Хотя, колхоз у нас глухой, тихий. Может, одними партийными обошлись?

– А скажите, – глянул я на Вакулина, – кто за немцами смотрит? Ваши? Партийные?

– И наши, и не наши, – уклончиво ответил Вакулин.

Значит, точно там КГБ сидит среди немцев. И правда проще уж мне этого Рихтера в поле выловить и объяснить, что почем.

– Так что, ты это дело, Игорь, брось, – продолжал Вакулин, – Если уж нужно, что, то лучше на учениях. Там тебе проще будет с немцем увидеться.

– Угу, – покивал я, – проще. Ну ладно, Евгений Герасимович, пойдемте заявление переписывать. – Да, пора уж, – покивал он, – а то больно уж у нас много нынче работы. Особенно у меня.

Вечером, к назначенному времени, я был в местном нашем отделении. Если честно, про донос, что написала на меня Екатерина Серая я особо и не переживал. Знал, что разо-

бьется он о чужие многочисленные показания и доказательства. Знал также, что он, этот донос, может худым делом обернуться самой Екатерине Ивановне.

В милиции встретил меня Саня, Светкин друг, да повел, куда следует. Когда пришли мы с Саней в кабинет к Квадратько, Иван Петрович, широкий, как шкаф сидел за своим столом. Стол этот, покрытый стеклом, казался на фоне майора маленьким, как школьная парта.

– А, здорово, Игорь, – Квадратько встал, пожал мою руку, – как жизнь течет?

– Потихоньку, – присел я на предложенный Саньком стул.

– Мда, – он вздохнул, – как рана твоя?

– Заживает.

– Добро, добро, – потянул Квадратько, – значит так. Давай с тобой начнем сначала и пойдем до конца. Нужны мне от тебя, Игорь, объяснения по сложившемуся делу. Чтобы приобщить, собственно, к еноту самому делу. Мне его завтра на суд передавать. Да и интересно мне, как вообще по твоему разумению все в тот раз обстояло.

– Ну давайте расскажу, – я пожал плечами.

– Угу, – Квадратько достал листок и ручку, приготовился записывать.

– Иван Петрович, – вздохнул я, – давайте я сам напишу.

– Землицын, – Квадратько нахмурил кустистые брови, – ты что? Не доверяешь? Аль чего боишься? Мы ж, вроде с тобой друзья-товарищи, не?

– Иван Петрович, – глядя Квадратько прямо в глаза, начал я, – не в обиду вам. Просто я сам привык. Не через вторые руки.

Квадратько поглядел на меня как-то обиженно, а потом передал листок и ручку.

– Ладно. Пиши. Но сначала так расскажи, как все было. По порядку.

Когда мой рассказ закончился и я изложил его письменно, Квадратько взял исписанные мною листы, вчитался. Некоторое время пыхтел, сопел, шамкал толстыми губами.

– Завтра днем, – сказал он наконец, – передаем мы Матвея в район на суд. Будут там ему меру пресечения определять. А дальше уж глянем. Скорее всего, попадет он в армавирский следственный изолятор. До выяснения. А может, и куда похужей, если ему не повезет.

– А я кем пойду по делу? – Спросил я.

– Да это теперь в прокуратуре решат, – пожал плечами Квадратько, – тут я тебе не помощник.

– И что? – Глянул я на майора внимательно, подался, слегка вперед, к нему, – ко мне нету больше вопросов?

Мрачный Квадратько помрачнел еще сильнее. Санек, немного растерянный, стоял у стеночки и глядел то на меня, то на майора. Иван Петрович громко открыл ящик стола, достал оттуда тетрадный листик рукописного текста. Положил перед собой. Мои показания, напротив, вложил в тоненькую папочку и отправил в ящик.

– Есть к тебе вопросы, Игорьь.

– Тогда я слушаю.

Смурной Квадратько некоторое время сверлил меня взглядом, потом глянул на Саню.

– Где она? – Спросил Квадратько.

– Сидит в кабинете у Матросова.

– Ну веди тада.

– Угу, – Санек кивнул и скрылся за дверью.

– Кто сидит? – Спросил я настороженно, – кого веди?

– Щас-щас, Игорьь, – Квадратько причесал пальцем усы, – обожди чутка.

Буквально через минуту в кабинет вернулся Сашка. Был он не один. Екатерина Ивановна Серая, одетая в невзрачные платице и косынку, перепуганная, как мышь перед котом, вошла вперед Сашки.

Вот так номер... Это что ж выходит? Квадратько ее время перенес? Или попросил задержаться?

– А чего это тут такое? – Сказала она очень растерянно, потом глянула на меня мельком, но тут же кинула взгляд на Квадратько.

Видно было, что совсем Екатерине Ивановне неуютно на меня глядеть. Тряпичная сумочка с замком-защипом, что держала Серая, ходила у нее в руках ходуном.

– Спасибо вам, Екатерина Ивановна, что согласились задержаться, – Сказал Квадратько.

Серая промолчала. Только громко сглотнула слюну, при-

открыла рот как бы от удивления.

– Присаживайтесь, – он указал на стул.

Саня поторопился поставить его перед рабочим столом майора, рядом со мной. Серая опасливо села.

Квдаратько поглядел на Серую, потом снова в свой листочек. Вздохнул.

– Иван Петрович, – нарушил я молчание, – вы чего тут устроили? Очную ставку, что ли? Если уж так, то не по закону это получается. Зря вы затеялись.

– Не кипятись, пожалуйста, Игорь, – Квадратько тоже сглотнул, – ответь сначала на мой вопрос. А потом уж поглядим.

– Зависит от вопроса, – насупился я.

– Иван Петрович, – дрожащим голосом заговорила Серая, – чего тут такое? Зачем я вам нужна была? Расскажите, я не понимаю!

– Сейчас поймете, – сказал он, глядя на Екатерину Ивановну из-под тяжелых век, – и поймете, и слово получите. Но Землицын вперед. Итак, Игорь...

Теперь свинцовый взгляд Квадратько переместился на меня. Майор повременил продолжать, а потом все же заговорил:

– Из дела, показаний остальных свидетелей, в том числе Мятого и Екатерины Серой, в девичестве Игнатовой, супруги арестованного, все ясно. В связи с этим у меня к тебе вот что, Игорь.

– Да хватит вам ломать комедию, – отмахнулся я, – я догадываюсь, чего вы хотите сказать. И мне даже интересно, как вы это обоснуете.

– Вот как, – удивился Квадратько, но быстро скрыл свое удивление, – ну тогда ответь мне, будь добр. Но, между нами, неофициально.

– Мне, мож, выйти? – Спросил вдруг разволновавшийся Саня.

– Да стой уж, – глянул на него Квадратько. Потом снова посмотрел на меня, – так вот, Игорь. Будешь ты писать на Екатерину Ивановну Серую заявление в милицию на заведомо ложный донос?

Глава 9

– Заявление?! На меня?! – Напугалась Екатерина Ивановна.

Нахмурившись, я опустил глаза. Потом поднял взгляд на побледневшее от страха лицо Екатерины Ивановны, на ее дрожащие руки. Глянул на Квадратько, каменной глыбой, восседавшей за своим рабочим столом.

Сашка Ивановский от всего происходящего, казалось, даже дыхание затаил, был тише воды ниже травы. Создавалось впечатление, что и нету его в кабинете.

Не скрою, что такой поворот и меня удивил. Не думал я, что Квадратько подсунет мне такой финал всей этой сказочки. Потому, посмотрел я на него снова, силясь в незабываемых его чертах, рассмотреть какой-то намек, ключик, или еще что похожее.

Милиционер тоже глянул на меня. А потом, едва заметно подмигнул. Я удержался от того, чтобы хмыкнуть, и тут же раскусил все его намерения. Ай да Квадратько! Ай да хитрый лис! Ну молодец!

– Не знаю, – сказал я, – дело тут сложное. С одной стороны, пожилую женщину на срок обречь, пусть и условный, ежели повезет, как-то не удобно. Это ж какой для нее позор на семью? А с другой стороны, заведомо ложный донос – серьезное преступление. Сложно мимо такого пройти просто

так, да глаза закрыть.

– Да вот и у меня такие точно мысли, – Квадратько изобразил тоскливую задумчивость, – потому я и не знаю, что тут делать.

Я глянул на Екатерину Ивановну. Та сидела на своем стуле белая, как призрак. Лицо ее, искаженное страхом, казалось, застыло восковой маской.

– Екатерина Ивановна, – засопел Квадратько, – есть вам что на это сказать?

– Я всего-то хотела беду отвести от своего младшенького, – проговорила она тихо.

– Так беду не отведешь, – сказал строго майор, – очень много свидетелей и улик против него: показания, отпечатки пальцев и прочее. Тут ваше заявление навредило только вам самой.

– Виной всему тому беспокойное материно сердце. Казалось мне, что надо бежать, что-то делать, чтобы не дать хоть одного моего мальчику в обиду.

– А печально будет мальчику, – пожал я плечами, – если у него на свободе никого не останется. Если не к кому ему будет возвращаться. Некому ему будет передачи носить. Жену же забрали от него, за то, что побивал.

Екатерина Ивановна вдруг горько скривилась и тихо заплакала. Стала утирать глаза свои платочком.

– Ну-ну, – подошел к ней Сашка и положил руку на плечо, – да не плачьте вы.

– Если вам и нужно плакать, – сказал строго Квадратько, – то только из-за своей бессовестности и неосмотрительности. Потому как заявлению вашему не давал пока я ходу. Даже не регистрировал.

– Прошу, – Взмолилась Серая, – отдайте. Я его тут же по-рву! При вас! Как же мои мальчики останутся без матери-то? Они ж не переживут! Нету у них никого на белом свете теперь, кроме меня!

– Может, я и хотел бы, – Квадратько положил на лист свою широкую, но короткопалую ладонь, – да не могу. Потому как милиционерский мой долг не дает мне никакого права мимо такого проходить. Бо какой же я тогда милиционер?

– Да что же тогда... Выходит... – Губы Екатерины Ивановна затряслись, – выходит, нету мне спасения?

– Есть, – Квадратько кивнул на меня, – сделаю, как Игорь скажет. Ежели нету потерпевшего, нету и преступления. А признает ли себя Землицын потерпевшим? Это уж решать не мне, а только ему.

С этими словами Квадратько глянул на меня. Вот какая была у него хитрая идея: провести воспитательную, так сказать, терапию. Чтобы поняла Екатерина Ивановна, какую она сделала низость и глупость. Быстро я распознал его намерения, ну и, конечно, решил подыграть:

– Не знаю. Непростое это решение. Как я сказал: с одной стороны, и жалко вас, Екатерина Ивановна, а с другой стороны, видно тут явное преступное деяние, – я подмигнул Квад-

ратько, – нужно мне время на раздумье. До завтра.

– Ну хорошо, – Квадратько засопел, – завтра так завтра.

Екатерина Ивановна?

– М-м-м? – Испуганно замычала она майору.

– Приходите завтра к трем часам дня. К этому моменту уж даст свой ответ Игорь. Понятно будет, что с вами делать.

Верно, Игорь? – Верно, ответил я.

– Хорошо, – сказала Екатерина Ивановна, – обязательно приду. Милок, – она посмотрела на меня, – Христом Богом прошу, прости ты меня и моих дурней-сыновей! Не моя в том вина, что семья у меня получилась такая калеченная! Не моя в том вина, что сеем мы вокруг только одни несчастья!

– Всегда вы так говорить, – ответил я холодно, – а толку-то? Вы делать начните по-другому. Вы, и ваши детишки. А там и поговорим.

Александр вывел Екатерину Ивановну, а когда вернулся, то спросил:

– А, мож, зря мы ее отпустили? Вдруг сбежит куда?

– Ай, – Квадратько махнул рукой, – ну ты че, Саня? Куда сбежит? Старая несчастная женщина!

Саня растерянно покивал и сел на место Екатерины Ивановны. Задумчиво посмотрел на нас с Квадратько.

– Это вы хорошо придумали, Иван Петрович, – сказал я, – подумает ночь о своих поступках и, возможно, поменяется.

– Надеюсь, – помял свой ус Квадратько.

– А где заявление-то? – Спросил я.

Квадратько взял листочек за уголок, показа мне. В его большущей руке заявление Серой выглядело как какой-то лоскутик.

– Хорошо, – кивнул я, – рвите, Иван Петрович.

В это время в райкоме партии

– Вы к кому? – Сказал Вакулин ждавшему в коридоре, у его кабинета, молодому милиционеру.

– Здравствуйте, – Посмотрел на него милиционер, немного растерявшись, – да я вот сюда.

Он указал на соседний, закрытый кабинет, а потом снова глянул на Вакулина с какой-то надеждой в глазах.

– Давно ждете?

– Уже минут десять как.

Вакулин посмотрел время на своих часах “Луч”, которые подарили ему на юбилей в прошлом году, цокнул языком.

– Уже должен быть на месте, – проговорил он, а потом подергал ручку двери, – ну, подождите еще чуть-чуть. Сергей Вениаминович скоро будет.

– Угу, спасибо, – покивал милиционер, а потом потрогал рукою, белится ли стена, и прислонился к ней, стал ждать.

Вакулин, полный мыслей о том, как же умыкнули у него из сейфа заявление Землицына, вернулся к себе в кабинет.

Зинаида Ефимовна, как обычно, задремала на своем рабочем месте. Надетое на спицы вязание сползло у нее куда-то под стол, а клубок шерстяных ниток выкатился на середину

кабинета, протянул за собой длинную синюю нить.

Вакулин вздохнул. Подойдя к старушке, легонько потрогал ее за плечо.

Он делил кабинет с Зинаидой Ефимовной уже не первый год. Старушка считалась в райкоме уважаемым человеком, была ветераном труда и уже много лет являлась членом компартии, работая в райкоме за простой бумажной работой.

Зинаида Ефимовна была одинокой, и почти все свое время проводила на работе. Ничего важного ей уже давно не поручали, но и выгонять на пенсию не спешили. Жалели. Как же ее оставить без родного райкома, который стал ей за долгие годы вторым домом?

– Зинаида Ефимовна, – прошептал ей Вакулин, продолжая теребить.

– А! Что?! – Вздрыгнула старушка, сонно заплямкала морщинистыми губами, – Ой! Женечка! А ты уже пришел?

– Пришел, Зинаида Ефимовна, – Вакулин улыбнулся, – ну как у вас дела?

Он поднял клубочек, быстро-быстро смотал нитку. Потом положил его на рабочий стол бабушки.

– Спасибо, Женечка. А дела так. Потихоньку, – сказала она, как-то приободрившись, – вот, сижу, работаю. Только, прикорнула чуток. Ты, мож, чаю хочешь?

Она встала и пошла к электроплитке, стоящей на железной табуреточке в уголке.

– Мне тут недавно конфет принесли! Угостишься?

– Да-да, давайте, – задумчиво ответил Вакулин, размышляя при этом о ключе от своего сейфа. Сам сейф же большим железным шкафом стоял справа от широкого кабинетного окна.

– Вот и чудненько, – трясущимися руками она поставила маленький чайничек в красных яблочках на плитку, тыкнула вилку в розетку.

– Зинаида Ефимовна?

– А?

– А скажите-ка мне, – Вакулин сел за свой стол, – ваш ключик от сейфа на месте?

– А куда ж ему деваться? – Удивилась старушка.

Тем не менее сама заторопилась к своему столу. Открыла ящик и показала Вакулину длинный ключ с овальным ушком.

– Угу, – задумчиво кивнул Вакулин.

– А что? Все никак не найдешь своего заявления? Думаешь, кто-то взял? А как? Я ж всегда тут, в кабинете сижу. Может ты, милоч, свой ключик где-то затерял? Или просто взял да саму бумажку где оставил?

– Да не, – вздохнул Вакулин, – ладно уж. Не берите в голову.

Когда чайник закипел, и Зинаида Ефимовна разлила из заварника в маленькие чашечки, Вакулин помог ей добавить в заварку кипятка.

Расселись они за столиком бабушки.

– Гля, чего покажу, – сказала она, улыбнувшись и обнажив тем самым вставную челюсть.

– Ну-ка!

Бабушка открыла свой ящик стола и достала оттуда красную коробку конфет с надписью “Рот Фронт. Ассорти”.

– Ого, – улыбнулся Вакулин, – щедро-щедро. И не жалко? Таких сложно достать сейчас.

– Да для кого ж мне их жалеть-то? – Рассмеялась бабушка.

Зинаида Ефимовна открыла коробку, и Вакулин заметил, что нескольких конфет не хватало.

– А кто вам их, эти конфеты подарил-то?

– Да известно кто, – сказала Зинаида Ефимовна, взявшись за свое вязание, – Коля Егоров вчера заходил. Тебя искал.

– Вот значит, как, – проговорил тихо Вакулин, – Коля, значит.

– Ну да. Я ему сказала, что не знаю, когда ты будешь. А ты...

– А в каком часу?

– Да уж не помню. Где-то к четверем заходил.

– Угу, – покивал Вакулин, – я тогда еще в Красной был.

А чего хотел?

– А вы разве, – вопросительно глянула на Вакулина Зинаида Ефимовна, – ваши дела с ним сегодня не порешали? Не встречались в станице?

– Да встречались-встречались, – махнул рукой он, – но вы мне все равно расскажите, чего он заходил.

– Ну как хочешь, – пожалала она плечами, – заходил к тебе. Ну я сказала, что тебя нету, и тот решил подождать. А наперед подарил мне энти чудесные конфеты. Попили мы с ним чай. А потом Коля что-то так заболтал меня, что я и заснула. Как он ушел, не помню.

– Вот как, – задумался Вакулин.

– Угу, не дождался он тебя, Женя.

– Ну ничего страшного. Мы там все равно нашу с ним проблему уже разрешили.

Когда закончили пить чай, Вакулин сел за свой стол и принялся думать. Зинаида Ефимовна уже медленно засыпала. Наконец, по кабинету разнеслось ее мерное сопение.

– Вернется ли? – Прошептал себе под нос Вакулин, – вернется ли заявление обратно положить? Если думает, что я его пропажи еще не заметил, то обязательно вернется, черт хитрый...

Примерно через минут десять, когда Вакулин уже погрузился в работу с документами, в дверь постучали.

Первой мыслью, что проскочила у Вакулина в голове, было то, что пришел Егоров. Как-то сам собой, юркнул Вакулин за большой лаковый шкаф, приник к стенке так, чтобы его было со входа не увидеть.

Снова прозвучал стук. Потом заскрипела тяжелая деревянная дверь.

– Зинаида Ефимовна? – Раздался в кабинете робкий полусёпот Егорова.

– Попался, зараза, – проговорил Вакулин, глядя на сейф, который был прямо перед ним, у боковой стенки.

Дальше Вакулин ничего не видел, только слышал: тихий скрип половиц от аккуратных шагов Егорова; шум открываемого ящика стола Зинаиды Ефимовны; снова скрип. И все это под сладкое сопение старушки.

Вдруг в поле зрения появился Егоров. Медленно шел он к сейфу. Были у него с собой ключ и листок рукописного текста.

– Ну, зараза, – процедил Вакулин, и Егоров тут же бросил на него перепуганный взгляд.

Недолго думая, Вакулин кинулся на него, сковал сильными рабочими руками субтильное тельце бюрократа, зажал рот ладонью.

– Тихо, Егоров, – сказал он шёпотом, – будешь молчать, договоримся, а нет, так видел милицию за дверью?

– М–м–м–м–м–м–м!

– Видел?!

– Мгм...

– То по твою душу, так что молчи и слушай.

Вдруг Зинаида Ефимовна сильно захрапела, стала шевелиться на своем месте, искать сквозь сон, как ей удобнее сесть.

– Проснется, – прошипел Вакулин на ухо Егорову, – точно пойдешь в наручниках отсюда. Подлог – это дело такое. Мое заявление уже в органах. Ну или договоримся, ежели не

будешь дергаться и все расскажешь.

Похолодевший, побледневший от страха Егоров застыл в руках Вакулина, как холодная статуя. Вакулин знал, какая у Егорова тонкая кишка. Что напугать его – раз плюнуть, ежели надо. Историю про милицию и прочее, придумал Евгений на ходу. А про милиционера вякнул и вовсе наудачу. Понадеялся, что он еще там, в коридоре, и что Егоров его видел. Сработало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.